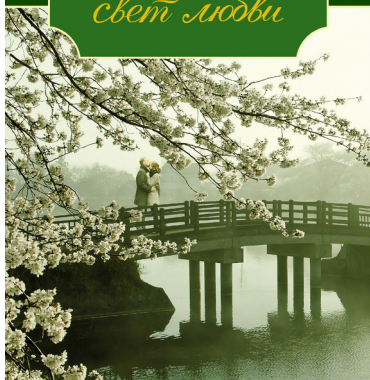

Формула счастья

НАТАЛЬЯ БАТРАКОВА

*Волшебный
свет любви*

Наталья Николаевна Батракова
Волшебный свет любви
Серия «Миг бесконечности», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17035909
Волшебный свет любви: АСТ; Москва; 2015
ISBN 978-5-17-093553-6

Аннотация

С чего начинается любовь? Как ее сохранить? Как простить любимому человеку то, что едва не разрушило твою жизнь? Как простить это себе? Признать свою вину и извиниться – это победа или поражение? И что ждет в итоге – награда или полное забвение?

Содержание

Часть третья	5
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Наталья Батракова

Волшебный свет любви

© Батракова Н.

© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

Часть третья

В ней все не так и все не то:
Дерзка, не в меру горделива,
Упряма, чересчур умна,
Не так уж, в общем-то, красива.
В ней все не так, не эталон,
Но что-то все-таки пленяет...
От взгляда светится душа,
И нежностью переполняет.
Не совладать с самим собой,
Сплошное самоистязанье.
Уста сковало немотой:
Так страшно вымолвить признание,
Что столько лет ее искал!
Душой все это понимаешь...
...Так что ж ты смотришь ей вослед?
Зачем ее ты отпускаешь?..

1

Катя открыла глаза и близоруко прищурилась: белые стены, белая мебель, белая постель, белая тюлевая занавеска.

«И на душе точно так же белым-бело, празднично, торжественно, – прислушалась она к себе и улыбнулась. – Какая сказочная ночь! Именно о такой ночи я мечтала всю жизнь! Какой же он красивый, сильный, нежный, внимательный! Почти принц... Не зря говорят: все, что ни делается, к лучшему. Второй мужчина в моей жизни... И все совершенно иначе... Как же хорошо...» – почувствовав пробежавшую по телу волнительную дрожь, она закрыла глаза.

Сквозь неплотно прикрытую дверь из гостиной в спальню проник далекий механический звук, затем слышались приближающиеся шаги, и в комнату кто-то вошел. Чуть размежив ресницы, Катя рассмотрела туманное очертание мужской фигуры в белом халате: сбросив его на банкетку, фигура стала медленно поворачиваться. Заметив это, Катя снова сомкнула веки и притворилась спящей.

Вадим, принеся с собой тонкий аромат свежесваренного кофе, осторожно заполз под одеяло, глубоко вздохнул и замер. Так прошло несколько минут. Устав чего-то ждать, Катя приоткрыла глаза. Ладышев лежал на спине и, подложив руки под голову, смотрел в потолок.

Затаившись, она принялась внимательно рассматривать его профиль: большой лоб, лохматые горбики бровей, прямой нос, глубокая линия плотно сжатых пухлых губ, волевой подбородок, мощный торс, покрытый довольно густой темной растительностью.

«Аполлон да и только, – она расстроено вздохнула: – А рядом с ним – бесформенный сдутый шарик. И всему виной очередной курс гормонов, который даже не пригодился. Надо срочно сесть на диету! Завтра же. Купить весы и записаться на массаж. Может, хоть за эти

нервные недели немного похудела. Если возьмусь за себя, к Новому году вполне смогу вернуть более-менее приличную форму».

Воодушевленная этой идеей, она решила, что пора «просыпаться», и пошевелилась под одеялом.

– Проснулась? – тут же отреагировал Вадим и посмотрел на часы на руке: – Половина одиннадцатого. Как спалось?

– Хорошо... Даже очень... – потянулась она под одеялом. – Доброе утро! Такой аромат... Ты сварил кофе?

– Да, сварил, – кивнул он. – Вернее, кофе-машина сварила.

– Обожаю кофе по утрам!

Оживившись, она присела на кровати, подложила под спину подушку, прикрыла грудь одеялом и, заметив во взгляде Вадима недоумение, неуверенно спросила:

– Что-то не так?

– ...Ты хочешь пить кофе в постели???

– А что? Чашечка утреннего кофе мне не повредит.

Прищурившись, она посмотрела на белую прикроватную тумбочку с другой стороны кровати, повернулась к своей, задержала близорукий взгляд на белоснежном постельном белье. Чашки с кофе нигде не наблюдалось. Скорее всего, приятный аромат приплыл в спальню вслед за хозяином. А она, глупая, решила... Привычка: по утрам Виталик частенько оставлял для нее на прикроватной тумбочке чашку с кофе. От этого дразнящего запаха она и просыпалась.

– Вообще-то, можно и на кухне выпить, – смутилась она, поняв, что допустила какую-то оплошность. – У тебя есть еще один халат?

– Нет.

– Свой можешь одолжить?

– Держи.

Повернувшись спиной, Катя набросила на плечи пушистый махровый халат, опустила ноги на пол.

«Холодный, – тут же отметила она. – И не только пол. Похоже, красивая ночная сказка растаяла вместе с остатками сна: ни тебе «доброе утра», ни нежности, ни теплоты. Размечталась: кофе в постель! Судя по всему, «половина одиннадцатого» – не что иное, как намек: пора и честь знать! Черт! Где же я оставила вчера линзы? Кажется, рядом с умывальником».

Прошлепав босыми ногами до двери ванной, совмещенной с хозяйской спальней, Катя закрыла за собой дверь, прислонилась спиной к кафельной стене и осмотрелась: просторная комната с джакузи, большой душ-кабиной, с безупречной по стилю и чистоте сантехникой и окном в полстены. С вечера все это разглядеть ей не удалось, не до того было.

«А за окном на самом-то деле серо и мрачно, – подойдя ближе, заглянула она в приоткрытые жалюзи. – Снег метет, погода – дрянь. Хорошо хоть здесь пол подогревается. Так, все ясно. Надо принять душ и собираться», – стянула она с плеч халат.

Однако с душем никак не получалось. Угловая стойка в кабине, изобиловавшая краниками и кнопками, жила своей интересной жизнью и категорически отказывалась подчиняться Кате: то холодная вода, то горячая, то больно бьющие одиночные боковые струи, то ледяной поток как из ведра. Взвизгнув несколько раз от неожиданности, она покинула кабину.

«Навороченная, как и сам хозяин», – раздраженно подумала она и в сердцах хлопнула дверцей.

Волшебное состояние, в котором она проснулась, исчезло напрочь.

Линзы нашлись на туалетном столике, одежда – на банкетке, нижнее белье – на полу, рядом с белоснежной корзиной. В какой последовательности они попали ночью на эти места,

помнилось плохо. Да и не очень-то хотелось вспоминать: с каждой минутой на душе становилось все более обидно и досадно... Она здесь лишняя. Точно так же, как могут быть лишними в этой квартире не подходящие к интерьеру сувениры, картины или подаренные ею накануне тапочки.

Когда Катя вышла из ванной, в спальне никого не было, огромная кровать была аккуратно застелена белым покрывалом. Никаких следов романтической ночи. В гостиной и на кухне они тоже отсутствовали. Обеденный стол убран так же тщательно, как и спальня: ни посуды, ни подсвечника, ни скатерти. Словом, ничего, что напоминало бы о вчерашнем вечере.

Маленькая чашечка кофе одиноко дожидалась ее на барной стойке. Сложив руки на груди, хозяин стоял у окна и сосредоточенно рассматривал заснеженный пейзаж. Словно только того и ждал, чтобы гостя за его спиной быстрее ретировалась.

«И когда он все успел? – ступая на цыпочках в сторону прихожей, в очередной раз удивилась Катя. – Вряд ли в выходной день приходила домработница. Значит, он почти не спал. Или очень рано проснулся, потому что не мог спать. Почему? Потому что в его кровати оказалась женщина, а теперь вот он не знает, как ее, дуру, отсюда выпроводить... Идиотка! – принялась она себя ругать и, подвернув джинсы, стала быстро обуваться. – Разомлела, размечталась! «Как спалось?» – передразнила она про себя Ладышева. – В том-то и дело, что очень хорошо спалось!»

– Ты куда? – вдруг услышала она голос. – А кофе?

– Спасибо, я... Забыла предупредить: с некоторых пор по утрам я пью исключительно чай.

Обувшись, она одну за другой одернула штанины, отодвинула дверь встроенного шкафа, коснулась рукой куртки.

– Чай так чай. Куда ты? Не спеши... – как-то неуверенно предложил он.

– Ну что ты! Мне давно пора, – насмешливо отказалась Катя. – Извини, что посмела посягнуть на твои холостяцкие покои. Не исчезла, как положено, ни свет ни заря, позволила себе понежиться в твоей постели. Не обучена. Ты бы предупредил, как принято от тебя по утрам уходить: я бы тихонечко, по стеночке.

– Катя, ты... Что с тобой? Ты неправильно все понимаешь, – Вадим в растерянности замялся, затем, словно собравшись с духом, признал: – Если уж на то пошло, в этой квартире действительно никогда не ночевали женщины.

– Ай-яй-яй! Бедолага! – посочувствовала она, набросила на плечи куртку, просунула в нее руки, застегнула молнию и подхватила стоявшую рядом сумку. – Как же тебе было неуютно в собственной спальне. Мог бы мне и в кабинете постелить, чай, не принцесса. И исчезла бы ранехонько, не шурша... Так что все я правильно поняла, Вадим. Хорошего тебе дня! Дверь только помоги открыть, чтобы я ненароком твои замки не сломала.

– Подожди, не уходи. Успокойся. Наверное, я в чем-то не прав...

– Ты всегда и во всем прав, так что не оправдывайся. Открой, я спешу. У меня встреча с мужем.

– Понятно... Теперь решила пойти на мировую? – Вадим бросил на нее изучающий взгляд.

«Ага, именно для этого я с тобой и переспала! – по-своему истолковала она его вопрос. – А что, теперь квиты! Он хотя бы понимает, на что намекает? – разозлилась Катя. – Может, послать его?»

– Как знать! В свете последних событий, возможно, имеет смысл помириться. Как говорила моя бабушка, надо хорошо подумать, стоит ли менять быка на индыка, – язвительно добавила она, что, несомненно, бросало тень на некие мужские достоинства Вадима.

– Тебя подвезти? – тем не менее, следуя правилам хорошего тона, предложил Вадим, поворачивая замки.

– Спасибо, сама доберусь. Не царское это дело – развозить по домам заспавшихся подружек. Бывай! – бросила она, решительно шагнула на площадку, быстро пересекла общий с соседней квартирой тамбур и поспешила к лифту.

Торопливо шагнув в раскрытые двери, она нажала кнопку, прислонилась к зеркальной стенке и закрыла глаза.

«Дура, какая же я дура! – принялась она себя ругать. – Ну почему я уродилась на свет такой дурой?»

Только она успела так подумать, как сверху что-то заскрежетало, лифт, спустившись на пару этажей, неожиданно дернулся и остановился.

«Застрял, – поняла Катя. – Только этого мне сегодня не хватало для полного счастья!» – и в сердцах принялась нажимать все кнопки подряд.

Никаких признаков жизни. Наконец в кабине раздался щелчок, и усиленный динамиками женский голос недовольно спросил:

– Что случилось?

– Лифт застрял.

– Адрес?

Катя замерла. Точного адреса, как и номера подъезда, она не знала.

– Сторожевская... Извините, но я не знаю номер дома. Это пристройка к «Панораме», – сбивчиво попыталась объяснить она.

– Подъезд?

– Тоже не знаю... Он ближе к основному дому! Я здесь в гостях, – словно оправдываясь, пояснила она.

– Понятно. Ждите, – насмешливо «успокоила» диспетчер.

Сколько ждать, как водится, она не сказала. Раздосадованная, Катя ткнулась лбом в зеркальную стенку и глаза в глаза встретилась со своим отражением.

«Так тебе и надо! – мысленно пожелала она стоявшему напротив двойнику. – Вот и подарила тапочки!.. Позвонить кому, что ли? – в поисках телефона принялась она шарить в сумочке, висевшей на плече. – Излить горе? Вот только кому? Ленке с Людкой?.. Нет, только не им... Дожила, уже и поплакаться некому... А где же телефон?» – так и не обнаружив его в сумочке, Катя принялась изучать содержимое карманов.

Не было не только мобильного, но и перчаток. В придачу ко всему сумка соскользнула с плеча и глухо шмякнулась на пол. И, как специально, вниз незастегнутой молнией.

«Да что ж это за утро такое!» – Катя, присев на корточки, стала собирать выпавшие вещи.

Внимание тут же привлек косметический набор с просыпавшейся из щели то ли пудрой, то ли румянами. Какая жалость! Она распаковала его только вчера и специально взяла с собой: вдруг пришлось бы носик припудрить, губы подкрасить. Быстро раскрыв коробочку, Катя печально вздохнула: все, набору крышка! Даже блеском для губ не воспользуешься – весь в налипших крошках теней. И зеркало разбилось... А для полного счастья еще и палец поранила, пытаясь очистить его от косметической пыли...

Захлопнув набор, она забросила его и остальные вещи в сумочку, сунула в рот кровоточащий палец и внимательно осмотрелась, не осталось ли чего на полу. Так и есть, сложенный вдвое маленький листок бумаги с двумя цифрами.

«Дата ЭКО, – вспомнила Катя. На глаза опустилась пелена слез. – Давно прошла... И за что мне все это? За что??!» – смяла она записку и, даже не пытаясь себя сдержать, разрыдалась...

Двери лифта раскрылись внезапно. Выглянув на площадку и никого не обнаружив, Катя отыскала лестницу и побежала вниз. Пулей промчавшись мимо консьержа и людей, ожидавших работающего лифта, она выскочила во двор и, размазывая по щекам слезы с бившими по лицу снежными льдинками, торопливо зашагала в сторону улицы Богдановича...

...Упершись рукой в дверной косяк, Вадим слушал, как стихли шаги и в глубине тамбура закрылись двери лифта.

«Как с цепи сорвалась... Догнать? И что дальше? Ребята вот-вот нагрянут, – тяжело вздохнул он, закрыл замки, прошел к барной стойке, взял чашечку с остывшим кофе, вылил его в раковину и включил воду. – Хотя... с ее точки зрения, было на что обидеться. К примеру, кофе в постель не принес. Полный мерзавец, – усмехнулся он. – Но наверняка дело здесь не только в кофе...»

Поставив ополоснутую чашку в шкафчик, он подошел к окну, по привычке сложил руки на груди и, провожая рассеянным взглядом пробежавшие мимо машины, продолжил размышления.

То, что произошло сегодня ночью, с одной стороны, представлялось вполне закономерным финалом встречи мужчины и женщины. С другой... Наверное, он слишком долго мечтал именно о такой ночи: желание плоти как следствие желания души, а не наоборот. Это было как награда – сладкая, манящая, еще совсем недавно такая нереальная.

Тогда что же он делает? Почему так легко отпустил от себя эту женщину? Более того, всем своим видом дал понять, что не ценит этой награды, воспринимает ее как обыденность. Что это? Защитная реакция? Или он трусил, потому что, согласно дальнейшей логике тайных желаний, придется что-то кардинально менять в своей жизни?

Он многому не находил объяснений. Например, почему его тянет именно к Кате? Почему он все время ловит себя на мысли, что думает о ней, хочет ее видеть, слышать, разговаривать с ней, прикасаться?.. Почему ему постоянно хочется сделать для нее что-то приятное, удивить, помочь, защитить? Почему сейчас, когда вроде бы достигнута некая честолюбивая цель, ему так тяжело с ней расставаться?

Первый звонок, будто с ним что-то не так, прозвучал после того, как он узнал о ДТП и тут же бросился ее разыскивать. Честно говоря, тогда Вадим не придавал своему порыву особого значения, так как это легко объяснялось: он может кому-то посочувствовать. Надо было помочь пострадавшей женщине, поддержать, утешить.

В следующий раз это случилось на даче в Крыжовке, и чувства были уже несколько иными, словно поднялись на ступеньку выше. Он тогда едва с табуретки не свалился, поглядывая то в коробку с электрическими проводами, то на кровать! Нежность, которую вызывала в нем спящая Катя, отвлекала, мешала сосредоточиться, что было совсем неожиданно: ни фигурой, ни возрастом, ни статусом пока еще замужней дамы она не являлась идеальным воплощением объекта его грез.

Тогда в чем дело? В душевной тяге? В естественности, такой трогательной и губительной одновременно? Чем больше он с ней общался, тем сильнее было удивление: Катя не вписывалась ни в один из его годами выверенных стереотипов женского поведения. Смелая, дерзкая, независимая, чувственная, ранимая – она словно обладала некой магической силой, заставлявшей совершать не свойственные ему ранее необдуманные поступки. Почти безумства!

Признаться честно, Вадим давно не встречал женщин, ради которых с такой легкостью менял бы свои планы, носился по городу, караулил у дома, знакомил с друзьями. А уж тем более приглашал в свою квартиру! Это было из категории неприкасаемого – его жилище. И вот, пожалуйста, здесь впервые переночевала женщина! Что же такое с ним творится?

Научившись распознавать скрыто посягающих на него дам и приняв правила их игры, он, как выяснилось, оказался совершенно не способен охотиться сам. Не помня, а вернее, не зная отказа у женщин, он не то чтобы охладел к этому виду «спорта», он элементарно разучился ухаживать! Более того, как только решался на какой-то шаг, на него неожиданно накатывал ничем не мотивированный парализующий страх: а вдруг он ей неинтересен, не нужен и выглядит в ее глазах заурядным навязчивым ухажером? Ведь Катя же его не разыскивает, не ждет под подъездом? Да и вообще не звонит, хотя могла бы легко найти повод.

От таких мыслей Вадим мрачнел, уходил в себя, цепенел. А едва отпускало, начинал злиться – на себя же, на свое безвольное поведение. Пытался бороться с собой, пытался выбросить из головы всю эту дурь, давал слово, что так оно и будет. И если до позавчерашнего вечера ему каким-то образом удавалось контролировать свое поведение, то после изучения папки с материалами он даже не пытался себя остановить. И дело не столько в цифрах, которые ей удалось для него раздобыть. Главное – Катя его не забыла, она работала над его заданием, при ее колоссальной загруженности совершила почти невозможное, он же в последний раз наговорил ей черт знает чего! А тут еще выяснилось, что ей снова нужна его помощь, его поддержка, его защита.

Встреча окончательно расставила все по своим местам: рядом с Катей ему хорошо, а на душе, как это ни банально звучит, тепло и светло. И радостно. Даже петь хотелось!

И все же в субботу с утра его снова стали подтачивать сомнения, которые достигли пиковой точки, когда она не появилась в зале к назначенному времени. Он даже успел растеряться, обидеться в душе. Однако с появлением Кати все переменялось: глупые мысли улетучились, настроение моментально улучшилось, он всей душой стал откликаться на смех, шутки, веселье.

Пожалуй, это был самый счастливый день рождения со времен детства, когда само ожидание праздника доставляло неописуемый восторг. Ни свет ни заря просыпался он с улыбкой и с ребяческим нетерпением ждал часа, когда вечером за праздничным столом соберутся гости и дело дойдет до подарков.

Вчерашние вечер и ночь превзошли его ожидания: красиво, романтично, нежно. Переполюнявшие положительные эмоции зашкаливали, не давали уснуть, мысли все смелее устремлялись в будущее. И вдруг ему стало страшно. Так бывает: внезапно тебя охватывает паника, страх в один момент потерять то, к чему стремился, за что боролся, чего наконец-то достиг. Вот оно есть, но в одно мгновение может исчезнуть! Как сон, как наваждение: было – и нет. Растаяло, испарилось. И вернуть невозможно, потому что нельзя вернуть то, чего уже нет. Однажды с ним такое уже случилось, едва выжил...

При этом воспоминании страх достиг кульминационной точки, мыслительный процесс застыл, словно попал в ловушку, в тупик, из которого нет выхода. Тело обмякло, покрылось липкой испариной... Надо было срочно чем-то себя спасти.

Стараясь не потревожить сон Кати, Вадим покинул спальню и автоматически стал наводить порядок: сначала на кухне, затем в кабинете. С детства терпеть не мог ни грязной посуды, ни лежащих на неположенных местах вещей. Но не так-то просто было отмежеваться от нахлынувших воспоминаний...

В свете главенствующих материальных ценностей современного общества тридцативосьмилетний Вадим Сергеевич Ладышев считался весьма завидной партией для соискательниц безоблачного семейного счастья. Имеет устойчивый бизнес и жилплощадь в элитном доме в центре города, две крутые машины – «Лэнд Ровер» и «БМВ». К тому же внешне – само воплощение женской мечты! И – непорядок – до сих пор ходит в холостяках!

Естественно, недостатка в желающих занять вакантное место супруги Ладышев не испытывал.

А ведь так было не всегда. В подростковом возрасте пухлый, даже толстый в сравнении со сверстниками Вадим постоянно комплексовал по поводу полноты, по поводу одежды, которая никак не прятала недостатки – и налазила с трудом, и трещала по всем швам. В юности боялся насмешек, боялся знакомиться с девушками, да много чего боялся, потому и старался как мог компенсировать внешние недостатки знаниями.

Можно смело сказать, что к сегодняшнему дню он сумел создать себя заново, да и признаний в любви наслушался. Но при этом не причислял себя к сердцедадам и считал, что сам обделен этим чувством: влюблялся лишь дважды в жизни.

Первый раз это случилось в восьмом классе. Только-только начался учебный год, однако прямо с уроков его вызвали к директору и объявили: завтра он отправляется в «Зуб-ренок», с родителями уже согласовано. Путевка была горящая. Ехать в лагерь должен был ученик параллельного класса – сын завуча. Но пару дней назад бедолага подвернул ногу, и накануне ему загипсовали сустав. Замену долго искать не пришлось: Ладышев – отличник, подходит по всем статьям. Да и родители – люди тоже не простые, достойные.

К полудню следующего дня Вадим уже был в лагере. Еще через полчаса его и такую же опоздавшую к началу смены девочку определили в отряд и повели к дальнему корпусу. Девочку звали Наташа Руцкая, и поначалу она не произвела на него никакого впечатления: одета в «дутую» куртку, скрывавшую талию и подчеркивавшую полноту бедер, в джинсы, которые также ее не стройнили. Пусть сам он и был толстяком, но девочки ему нравились худенькие, именно такие, которые не обращали на него внимания.

Зато что впечатлило Вадима, так это чемодан новой знакомой – огромный, на колесиках, с кучей всевозможных наружных отделений, замков, ручек. Как загипнотизированный, шел он следом за его хозяйкой и не мог оторвать взгляд от катившегося впереди чуда. Такой расцветки – небесно-голубой – он сроду не видывал! Подросток так засмотрелся, что, когда чемодан застрял в зазоре между плитками, наткнулся на него и едва не грохнулся. Девочка обернулась, с помощью длинной ручки помогла чемодану преодолеть препятствие, отбросила с лица светло-русые волосы, подняла на мальчика глаза, виновато улыбнулась и...

Вадима точно током прошибло! Под густыми пушистыми ресницами новой знакомой прятались необыкновенной красоты глаза – точь-в-точь в цвет чемодана!

Но это было еще не все. Как опоздавших их в тот же день посадили за одну парту – последнюю, в крайнем от двери ряду. И вот этого уже оказалось достаточно, чтобы впервые в жизни Вадим забыл об учебе. Отвлекало все: и округлый почерк соседки, и ее необычные тетрадки, и ручки, и карандаши, и ластик с ароматом ванили, и длинные светлые пряди, которые время от времени прикрывали ее профиль с курносом носиком, а она плавным движением руки снова прятала их за ушко. Маленькое аккуратное ушко с крошечной сережкой в виде капли.

Это было как наваждение: глаза, ресницы, профиль, пряди волос, сережка. И гулкое эхо голосов преподавателей, доносившееся как сквозь ватную преграду...

Последним в первый день занятий был урок физкультуры. Привычно передав классному руководителю справку об освобождении, он присел вместе с такими, как сам, на скамейку и принялся наблюдать за распределением других по спортивным секциям. Наташа оказалась среди самой немногочисленной группы по стрельбе. И тут «инвалидам» предложили записаться именно в эту секцию. Непонятно почему, Вадим быстро вскинул руку, о чем пожалел через час.

Руцкая стреляла просто снайперски, чем вызвала в тире вздохи восхищения и привлекла всеобщее внимание. Он же, получив краткий инструктаж, все до одной пульки выпустил в «молоко». До этого Вадим и понятия не имел о стрельбе! Его с детства учили, что оружие – это зло.

Удрученный, он покинул тир, спрятался в глубине леса на одной из укромных скамеек и едва не заплакал. Что толку от его знаний, от того, что у него, как говорят, семь пядей во лбу. Ни Наташа, ни какая другая девочка никогда не обратит на него внимания. Разве что перекинется словом как соседка по парте или попросит написать. Так стрелять, как она, у него никогда не получится, потому что он – толстый, смешной, неуклюжий!

После ужина, когда весь отряд собрался в холле репетировать номер к открытию смены, Вадим, сославшись на головную боль, улегся в кровать, накрылся с головой одеялом и попытался уснуть. Ничего не получалось: мешали то шум из коридора, то грустные мысли о своей как никогда остро прочувствованной ущербности. Тут же созрело решение уехать домой. Оставалось только придумать вескую причину.

Но придумывать ничего не пришлось.

– Почему ты все время молчишь? – назавтра перед первым уроком обратилась к нему соседка.

– Я не молчу... – с трудом выдавил он и, переведя дыхание, добавил: – Ты ведь тоже молчишь.

– Выходит, боишься помешать мне молчать? – лукаво улыбнулась она. – А в каком месяце ты родился?

– В начале декабря. А ты?

– Я – майская. Телец. Странно: мы с тобой разных стихий, но мне почему-то показалось, что ты, как и я, земной знак, – удивленно пожала она плечами. – С тобой рядом я не чувствую напряжения.

– Каких стихий? – недоуменно уточнил он. – Какое напряжение?

В отличие от соседки, странное и непонятное напряжение он чувствовал второй день подряд. В данный момент оно было просто невыносимым. Поняв, что краснеет, Ладышев опустил глаза и сосредоточенно уставился в раскрытую тетрадку.

– Разных стихий, – повторила девочка и пояснила: – Ты – Стрелец, даже, скорее всего, Змееносец, я – Телец. Моя стихия – Земля, твоя – Огонь.

– Это как понять?

– Это астрология. Ты слышал что-нибудь об этом?

– Что-то слышал, – пробормотал тот.

Но никогда не интересовался. «Лженаука», – вынес когда-то свой вердикт отец. И Вадим с ним согласился.

– Понятно, – разочарованно вздохнула Наташа.

Скосив взгляд, Вадим украдкой принялся наблюдать, как она аккуратно разложила на столе свои необычные письменные принадлежности, смахнула с лица непослушную прядь волос, вытащила из тетрадки картонный круг, накрыла его сверху другим, с прорезью, совместила края, чуть сдвинула верхний против часовой стрелки.

«Карта звездного неба», – догадался он.

– А хочешь знать, где находится твое созвездие? – снова обратилась она к нему. – Вот смотри: это Стрелец, – и показала карандашом на скопление звезд. – Считается, что в созвездии Стрельца располагается самая красивая часть Млечного Пути. По мифологии Стрелец – это Перун, и именно в нем в зимнее солнцестояние рождается Солнце.

– Это как?

– Солнце находится в нем зимой, и само созвездие как бы символизирует конец старого и начало нового года, причем одно его лицо смотрит в прошлое, а другое – в будущее, – увлеченно принялась делиться своими познаниями Наташа. – В направлении созвездия Стрельца находится и центр нашей Галактики. Созвездие видно с конца февраля по начало ноября. Если хочешь, сегодня после отбоя мы можем посмотреть на звезды. Я вчера после репетиции пошла к озеру, – заговорщицки перешла она на шепот, – и обнаружила очень удачное

место на берегу: там нет высоких деревьев и не ходит никто. Надо только дожждаться, пока все улягутся.

– Разве корпус не запирают? – удивился Вадим.

– Запирают. Но я знаю способ, как выбраться. В конце коридора – подсобка с окном, дверь там всегда открыта, – прошептала Наташа, коснувшись прядью волос его щеки. – Немного страшновато одной в темноте. Пойдешь сегодня со мной?

– Пойду, – автоматически ответил Вадим.

Как он мог не пойти?! Конечно, пошел! И в этот вечер, и в следующий! Потому что ни с кем и никогда ему не было так интересно, как с Наташей. К тому же она сама выбрала его из всех сверстников. А ведь за ней после отличной стрельбы стали увиваться многие! И рассказать ей было о чем: отец – военный, полковник (это он научил ее так стрелять!), недавно вернулась с родителями из ГДР (вот откуда небесно-голубой чемодан и необычные школьные принадлежности!). Пока остановились в Бобруйске, но вот-вот получают новое назначение. До этого семья жила еще и в Чехии, и в Монголии.

Словом, во многом Руцкая была не такая, как все. Могла блеснуть знаниями по литературе, истории, географии, но при этом нисколько не зазнавалась, ни кичилась. Не боялась и поспорить с учителями, что также выделяло ее из всех.

Конечно же Вадиму льстило, что самая яркая личность отряда, а может быть, и смены, выбрала в друзья именно его – неуклюжего, стеснительного. Но, похоже, ее совершенно не волновали внешние данные новоиспеченного друга. При этом на уроке английского она высоко оценила его беглую речь и произношение, а уж когда на перемене Вадим свободно заговорил с ней и на немецком, не удержавшись, чмокнула его в щеку! У него едва сердце из груди не выпрыгнуло!

В общем, к концу первой недели Ладышев понял, что влюблен по уши. Впервые в жизни. Той же ночью он осмелился поцеловать Наташу в щеку и той же ночью вожатые застучали их на берегу. Видно, из зависти заложил кто-то из отвергнутых воздыхателей.

За сим последовали объяснительные в кабинете начальника лагеря, показательное комсомольское собрание, угрозы сообщить в школу, родителям, отправить домой. Но в итоге их просто развели по разным отрядам и по разным классам: то ли пожалели, то ли не захотели выносить сор из избы и лишать смену таких в целом положительных ребят.

Однако ничего у взрослых не вышло. Наташа оказалась не только умной и начитанной девочкой, но и на удивление смелой. Недаром дочь военного. Заодно помогла справиться с робостью и неуверенностью Вадиму. И пусть теперь они не бегали по ночам смотреть звезды, но вопреки всем и вся продолжали встречаться на глазах у всего честного народа. Открыто, не таясь: на переменах, в столовой, каждые полчаса свободного времени. Держались за руки, смотрели друг другу в глаза, улыбались и никак не могли наговориться.

Именно тогда Вадим впервые прочувствовал и ответственность за другого человека: защитить, заслонить собой от неприятностей, от злых и завистливых людей, от болезней, от непогоды.

Смена подошла к концу. Последний поцелуй на прощание, слезы расставания в Наташиных глазах. Почти ежедневная безумная переписка, тайные звонки по телефону. Тогда же Вадим впервые решился дать отпор ребятам во дворе, обзывавшим его профессорским сыном. И все благодаря Наташе: он должен был ей соответствовать!

А весной Руцкие переехали на Байконур, в Ленинск. Приблизительно в это же время профессору Ладышеву выделили новую четырехкомнатную квартиру на Пулихова, старый дом на Интернациональной снесли, почтовое отделение расформировали, связь внезапно оборвалась. И как ни пытался Вадим разыскать новый адрес семьи Руцких, сколько ни писал запросов – ответа не было. В груди поселилось беспокойство, тоска, а порой одолевала настоящая обида: как же так? Почему она его не разыскивает, не подает вестей?

Однако жизнь неумолимо двигалась вперед: предпоследний учебный год требовал все больше сил и времени на подготовку в мединститут, потом – поступление, напряженная учеба, научные исследования – все вместе день за днем сглаживало остроту переживаний. Новые цели, новые знакомства, новая любовь, закончившаяся для него так драматично, и последовавшая за этим, по сути, новая жизнь.

И все эти годы в памяти Вадима жил образ голубоглазой девочки, которая однажды ночью на берегу Нарочи показывала ему звезды. На то она и первая любовь, чтобы помнилась ДО ПОСЛЕДНИХ ДНЕЙ...

«Лера тоже казалась умной, начитанной, и глаза у нее были голубые. А на деле оказалась холодной, расчетливой, – по-прежнему тупо глядя в окно, с горечью вспомнил Вадим. – Интересно, где теперь Наташа? Насколько ее изменило время? Нет... Не знаю и знать не хочу. Хватит с меня разочарований. Не зря говорят: не встречайтесь с первой любовью... А ведь у Кати тоже голубые глаза и фигура похожа на Наташину. И даже отец – бывший военный!.. Но кто я для нее? Отдушина в сложный жизненный период? Вряд ли что-то серьезное, – словно убеждал он себя. – Встреча с мужем... Что же, пусть встречается, пусть мирятся: теперь супруги квиты. Правильно сделал, что ее не остановил. Саша с Андреем вот-вот появятся, как бы я объяснял ее присутствие? Нет... Я не хочу, не готов менять свою жизнь. Как, по-видимому, и она. Спасибо ей за все и пусть спит спокойно. И я буду спать спокойно», – твердо решил он после длительного экскурса-погружения в события прошлой жизни.

Приглушенный мелодичный звук, доносившийся из прихожей, не сразу достиг сознания. Источник обнаружился быстро: прикрытый перчатками мобильный телефон. Номер на дисплее почему-то не определился.

Повертев в руках мигающий подсветкой аппарат, Вадим решил ответить: скорее всего, звонит сама хозяйка. Из автомата. Значит, придется еще раз встретиться и вернуть забытые вещи.

– Да. Я слушаю.

– ...Простите, я, наверное, ошибся, – после небольшой паузы послышался в трубке мужской голос. – Хотя... Виталий?

– Нет. Вам кто нужен?

– Катя.

– Ее здесь нет.

– Как нет?... Извините, я разыскиваю Екатерину Проскурину. Я правильно набрал номер?

– Правильно, только ее здесь нет.

– Не понял...

– Объясняю: ушла, забыла телефон.

– И куда ушла? – недоумение в голосе собеседника сменилось беспокойством.

– Домой. А с кем я разговариваю?

– Это ее друг, Генрих.

– А-а-а... Она о вас рассказывала.

– А вы кто?

– Знакомый.

– А как вас зовут?

– Не столь важно, как меня зовут. Ведь вам нужна Екатерина Проскурина? – не очень вежливо уточнил Вадим. Непонятно, почему, но тактичный и обходительный собеседник стал его раздражать. – Если не найдете ее на Гвардейской, поищите на Чкалова.

– То есть? Что она там делает?

– С некоторых пор она там живет.

– Извините, я недавно вернулся из командировки. Мы почти не переписывались в последнее время, так что я не в курсе. Катя давно там живет?

– Больше месяца.

– Почему? Что-то случилось?

«Хорош друг, если ничего не знает, – усмехнулся Вадим. – Хотя новый номер телефона знает».

– Лучше позвоните ей, она сама расскажет вам все, что сочтет нужным.

– Да, конечно... Я сейчас позвоню... Только... Простите, но если ее телефон у вас – как мне с ней связаться? С ней действительно все в порядке?

– Полчаса назад было все в порядке. Я продиктую вам номер телефона на Чкалова, – желая быстрее закончить разговор, Вадим взял в другую руку свой мобильник и нажал «меню». – Записывайте.

– Да-да... Конечно... Секунду... Готов.

– Пишите: +375 17 222... Записали?... Да, верно. Если дозвонитесь, передайте, что она забыла телефон.

– Хорошо, передам... Только у кого забыла? – снова растерялся Генрих.

– Не важно. Она поймет.

– Ну, если поймет... Спасибо. До свидания.

«Поехать отдать, что ли? – посмотрел Вадим на зажатый в руке мобильник. – Нет, я все решил, и нечего искать повод для встречи. Зиновьев отвезет в понедельник».

В этот момент раздался звонок домофона:

– Гостей принимаешь? – пробубнила трубка голосом Зайца. – Мы тут с Саньком и пузырьком. Открывай ворота!

Нажав кнопку, Ладышев внимательно осмотрелся: кроме мобильного и перчаток, вроде, никаких женских следов не осталось. Прикрыв их сверху своими перчатками и шарфом, он крутанул замки и в ожидании друзей застыл на пороге. Надолго.

– ...Вы что, пешком шли? – недоумевавшая спросил он, когда Андрей с Сашей показались в тамбуре.

– Так у тебя ж только один лифт работает! Во втором кто-то застрял. Пришлось ждать, – пояснил Ключев.

– Как вчера – разродился? – поздоровавшись, поинтересовался хозяин.

– А то! Два бутуза, каждый под три килограмма! И мамке тридцать пять годков!

– Кесарево?

– Нет, сама. Вторые роды, – разуваясь, пояснил тот красивым баритоном. Своим друзьям он проигрывал не только в росте, но и в телосложении: невысокий, щупловатый. Зато природа наградила его необыкновенной красоты голосом, от которого женщины просто млели. – Правда, потом немного повозились, но в целом удачно. Вообще-то я уже к девяти вечера был свободен и мог к тебе приехать. Набрал Андрюху, а он сообщил, что у тебя в гостях да-а-ма... Вот мы и отложили визит до утра. Давай рассказывай, что за дама? Я, признаться, как услышал, ушам не поверил: неужели наш Ладышев в честь дня рождения решил изменить правилам и привел ночную фею не в квартиру на соседней улице? Что-то серьезное?

– А ты по его глазам не видишь? Красные, как у рака. Всю ночь, небось, в постели куролесил? – подмигнул Андрей другу, хозяйничая в холодильнике.

– Как видите, кроме меня, здесь никого нет, – уклонился Вадим от объяснений. – Так что могли и вчера приехать... Есть еще кастрюли на лоджии, – подсказал он Зайцу, достав столовые приборы и тарелки, но не парадные, как вчера, а обычные, на каждый день.

Хотя и те, и другие, по большому счету, почти не отличались по стоимости.

– Слышь? И впрямь зря мы вчера не приехали, – стал сокрушаться Андрей, одну за другой вытаскивая из холодильника прикрытые пленкой салатницы с практически нетронутым содержимым.

– Лучше признай, что зря ты вчера уехал, – усмехнулся хозяин.

– Так разобъяснил бы, что девушка прибыла просто так – типа выпить за именинника. А то я уж решил: зачем быть третьим лишним?

– Ты же сказал, что поехал к Ирине в общежитие? – сервируя стол, удивился Вадим.

– Поехал, – тяжело вздохнул двухметровый детина. – Толку-то, если никто дверь не открыл. В результате не только с вахтершей поцапался, так еще и голодным остался. Может, и вправду уехала, а может, и спала... Только какой сон в восемь вечера?

– Э-э-э, не скажи, – не согласился Саня. – Беременные – они все как не от мира сего. И ко времени постольку-поскольку привязаны. За двоих живут, за двоих едят, за двоих спят.

– Ну, пошла любимая песня! – беззлобно перебил его Заяц, поставив на плиту две объемные кастрюли. – «Беременная женщина – венец природы!» – передразнил он друга. – Ты бы лучше начитал своим пациенткам аудиовариант проповеди типа «Берегите мужчин как производителей чад своих!» С твоими-то голосовыми данными! Мужики бы памятник при жизни поставили! Или устроился в службу «Секс по телефону». Озолотился бы! – посмеиваясь, добавил он.

– Тогда бы женщины ему памятник поставили, – поддержал шутку Ладышев.

– Ага, посмертно, – поддакнул Андрей. – Так как разобрали бы на запчасти после недели работы. Особо ценными экспонатами были бы язык и руки известного акушера-гинеколога! – захохотал он.

Следом остальные. Надо сказать, при встречах Заяц редко упускал возможность пошутить над специализацией друга, на что Клюев никогда не обижался. Наоборот, посмеивался вместе со всеми и добавлял, что ему просто завидуют.

– А давайте водочки по старой памяти? – вдоволь насмеявшись, предложил Андрей. – Ох, сейчас как сообразим на троих! Как вмажем, бли-и-ин! Устал я чего-то. Там, по-моему, телефон звонит, – кивнул он в сторону прихожей.

– Пусть звонит, – спокойноотреагировал хозяин и подсказал: – Водка на дверце холодильника.

– А у Ирины какой срок? – вернулся к любимой теме Саня.

– Да откуда я знаю! – занервничал Заяц. – В понедельник зайду в отдел кадров, выясню. Черт, ну и глупая ситуация! Все ждал, когда же начнет донимать вопросами о женитьбе. Даже дежурствами специально менялся, чтобы с ней в одну смену не попасть! А она, как оказалось, в последние недели тоже только этим и занималась. Или я чего-то не понимаю, или...

– Мудрая женщина, – заметил Клюев. – Раскусила она тебя. И то, что ребенка решила сохранить, ничего тебе не сообщив, тоже правильно. Значит, любит. Для них это важно – ребенок от любимого мужчины.

– Хорош друг! – хмыкнул Андрей. – Но почему мне об этом не сообщить? Что же в этом правильного?

– А зачем? Чтобы ты ей аборт посоветовал? Разве нет?

Шмыгнув носом, тот задумался.

– Нет. Ирке нет... Ну, может, повыпендривался бы малость...

– Что я слышу? – всплеснул руками Саня. – Наш Зайчик снова решил обзавестись потомством? Лед тронулся?

– Давай закроем тему! – поднял кверху огромную пятерню Андрей. – Как друга прошу, и без того на душе погано. Ты лучше Вадима расспроси о его новой пассивности. Что-то его не пойму: то все с модельками ящсался, а то вдруг завел себе обычную земную бабу, – подмигнул он Сане и перевел взгляд на хозяина. – Я как увидел, кого он все-таки в Крыжовку

привез, едва дара речи не лишился: это ж надо, на охоте по кабану почти в упор промазал, зато другую дичь подстрелил! Мастер! – снимая пробку с бутылки, хохотнул он. – А вчера, когда узнал, кого он меня под дверьми клуба оставил дожидаться, чуть не рухнул. Надо же! Та самая Катя!

– А при чем здесь кабан? – не понял Саня.

– Да мы с ней на охоте в Островце познакомились, – разливая водку, пояснил Заяц. – Там три дамочки были. Одна, кстати, в его вкусе: ноги от ушей, сама – как кукла. Так нет, выбрал самую что ни на есть обычную. Пухленькая такая. Мордашка, правда, миловидная.

– Там гормоны, – вставил Вадим.

– Откуда знаешь?

– Догадываюсь. Десять лет с мужем прожила, детей нет. Сам понимаешь.

– Так давай ее к Ольге определим, – тут же воодушевился Саня. – У нее рука легкая! Обследуем, решим, чем помочь.

– Это не мое дело. Сама разберется, – остудил его пыл Вадим.

– Слушай, ты бы отключил этот чертов аппарат! – взмолился Заяц, прислушавшись к неумолкающему треньканью в прихожей. – Как заведенный!

Вадим молча встал, подошел к телефону, но почему-то не отключил, а выбрал режим «без звука».

– Так, хватит разговоров! Будем пить или нет? – вернулся он к столу.

– Обижает! – расплылся в улыбке Андрей. – Как это не пить? В унитаз, что ли, родимую спустим?

– Весело вы тут пожили! И пока для меня многое все еще туманно, – задумавшись, подытожил услышанное Саня. – Ладно, пить так пить. После сами языки развяжете, – глубокомысленно заявил он. – Ну что, друг? Ты из нас самый младший: Андрюхе тридцать девять почти месяц назад исполнилось, мне тридцать восемь – в июле. А тебе только вчера. Пусть твой следующий год станет для тебя... Пусть он станет для тебя переломным!

– Не понял...

– Подрастешь до моих тридцати восьми – поймешь! – многозначительно заключил Саня. – Правда, Андрей?

– Не знаю, как-то не почувствовал, – пожал тот плечами. – Ладно, будь!

Три рюмки взметнулись над столом, звякнуло стекло.

– Ребят, а ведь я в феврале женюсь, – неожиданно сообщил Саня. – На Оле. Ксюшу собираюсь официально удочерить. Так что приглашаю на свадьбу.

– О-ба-на! Приехали! – чуть не подавился салатом Заяц. – А я думал, первый объявлю, что подумываю жениться.

– Да мы это уже без объявления поняли!... – расхохотались друзья.

Поднимаясь по лестнице, Катя услышала, как за дверью ее квартиры надывается телефон.

«Кто бы это мог быть?» – озадачилась она и ускорила шаг.

Этот номер знали немногие: отец, Потюня, Виталик, Лена с Людмилой да еще пара человек. Тот же Ладышев, к примеру. Стоило о нем вспомнить, как в душе что-то всколыхнулось и засадило. Но пока поднялась на этаж, пока открыла замки и вошла в прихожую, звонок прекратился.

«И зачем только поехала к нему домой? – зарывшись головой в подушку, Катя продолжила самоество. – Ведь ясно было как дважды два, что ничем хорошим это не закончится. Когда же все началось? Неужели стартовым механизмом послужила ревность? Наслушалась от Стрельниковой восторженных эпитетов в адрес Ладышева – и нате вам, мир перевернулся! Воспринимала его в своей жизни как случайный эпизод – и все было нормально,

а как только кто-то другой посмел покуситься на него, тут же сработал собственнический инстинкт. Откуда этот Ладышев взялся на мою голову? Абсолютно чужой человек, не друг, даже не приятель, просто случайный знакомый! Одно хорошо: поняла, что меня примитивно использовали. А в благодарность – немного секса с барского плеча... Радовалась не по-детски, когда победила в боулинге, а на самом деле это маневр был такой, отвлекающий. Чтобы посочувствовала герою дня и стала доступней... Боже, какой бред лезет в голову! – вдруг осознала она. – Так запросто можно свести к нулю собственную самооценку! Обманутые ожидания? А чего я ждала? Если уж на то пошло – и он не обманщик. Он всего лишь мужчина – и этим все сказано! Подумаешь, провела с ним ночь! Ну случилось, ну поздравила человека с днем рождения. Так ведь и сама получила инъекцию счастья! Ведь на самом деле все было замечательно! И кофе зря не выпила. Надо было идти до конца... К черту самокопание! Все даже лучше, чем могло быть: не успела развестись с мужем, как поняла, что на нем свет клином не сошелся. Есть другие замечательные мужчины, и они обращают на меня внимание. Через час встреча с Виталиком, – Катя посмотрела на часы. – А может, правы девчонки и стоит с ним помириться? По большому счету, все мужики одинаковые, – тяжело вздохнула она. – Да и чем я теперь лучше? Наставила рога мужу, – усмехнулась она. – Ладно, посмотрим. В любом случае надо выглядеть на все сто!» – решительно вскочила она с дивана.

На встречу в ресторане Катя опоздала ровно на двадцать минут. И вовсе не для того, чтобы заставить супруга понервничать и уж тем более ему досадить. Как специально, прямо на мосту между Чкалова и Московской сломался автобус! Так что пришлось топать по скользоте до ближайшей остановки. Позвонить и предупредить, что задержится, телефона не было.

«Ну и утро! – чертыхаясь, цеплялась она за поручни спуска в подземный переход. Появившееся за время сборов подобие настроения быстро исчезло. – Ненавижу зиму! Ненавижу снег! И мужиков ненавижу!»

Виталик сидел за столом в дальнем углу практически пустого зала.

«Похудел, – где-то глубоко в душе шевельнулась жалость и тут же успокоилась. – Но ему это даже к лицу».

– Привет, прости, что опоздала, – с ходу извинилась Катя, пытаясь отдышаться. Проскурин встал, задвинул за ней стул. «Надо же, какие у нас манеры появились, какая галантность!» – успела удивиться она. – А где остальные? Где твой адвокат?

– А больше никого не будет, – присел напротив бывший, вернее, пока еще действующий супруг. – Хорошо выглядишь. Я сделал для тебя заказ. Как ты любишь: морепродукты, рыба, сок...

– То есть как это – больше никого не будет? – недоуменно перебила она его.

– Утром я позвонил адвокату и попросил не приезжать.

– Почему? По-моему, мы собирались обсудить серьезные вопросы.

– Катя, я попросил его не присутствовать по одной простой причине... В общем, не дам я тебе развода. Не хочу с тобой разводиться.

– Как это не дашь развода? По-моему, я ясно...

– Выслушай меня, пожалуйста, – мягко остановил он ее. – Я знаю, что виноват. Виноват дважды, трижды. Виноват, что обидел тебя. Прости.

– Если бы только обидел! – усмехнулась Катя. – Едва не растоптал. Как личность. Знаешь, одного до сих пор не могу понять: как же я упустила момент, как не заметила, не поняла, что у тебя есть кто-то еще? Объясни, что тебя подвигло?

– Хорошо, – потупил взгляд Виталий. – Возможно, в какой-то момент мне показалось, что я тебе не нужен. Ты стала малоразговорчивой, холодной... Не только в постели. Постоянно была занята, постоянно за компьютером – и днями, и вечерами.

– То есть, во всем виновата я сама? – перебила она его. – А как же ты? Ты ведь тоже постоянно был занят. Разве не так?

– Я зарабатывал деньги!.. Но я понимаю, что сейчас это не аргумент. Мы жили каждый сам по себе. Я не подстраивался под тебя, ты не торопилась менять планы под меня. А она... Я имею в виду ту, другую, – покраснев, уточнил он, – готова была бросить все: родителей, друзей, пропустить учебу. Это и сбilo меня с толку.

– Приятно, когда кто-то готов пожертвовать ради тебя всем. Льстит самолюбию, греет душу, повышает самооценку, – рассудительноотреагировала на его слова Катя. – Странно, что мне в голову не приходила подобная мысль. Мне ведь тоже было порой грустно и одиноко. Вот ты, к примеру, улетел в Египет и даже не поинтересовался, как я буду жить эту неделю? Каково мне будет одной вечерами, чем буду заниматься?

– Катя, но ведь у меня бывали деловые командировки и на более длительный срок? И ты всегда спокойно воспринимала отъезды, – недоуменно посмотрел на нее муж.

– Спокойно, ты прав. Потому что верила, как себе. Потому и не заподозрила ничего, когда ты отправился с Анастасией Сергеевной в Вильнюс – машину покупать. Или подарил, уж не знаю, как там у вас было. Ну, заодно погулять, расслабиться.

– Откуда ты знаешь про Вильнюс? – покраснев, пробормотал Виталик. – Все было не так... Ну, не совсем так. На машину ей родители деньги дали, но «опель», который мы выбрали по интернету, оказался... – поняв, что опрометчиво произнес «мы», он на секунду умолк. – Меня попросили, я помог выбрать автомобиль, но в оригинале он сильно отличался от того, что было на снимке. Я не мог бросить человека один на один с проблемой. Я должен был помочь ее решить.

– А кто спорит? Конечно, должен. Взялся за гуж, как говорится... Да бог с ним, с этим «Опелем»! – махнула рукой Катя. – Я никогда не расспрашивала, никогда не вдавалась в подробности, куда ты собрался, зачем, с кем. Потому что свято верила: все для дела, все для блага семьи. Ведь тогда я планировала поехать с тобой, даже договорилась с отгулами. Но ты увернулся: мол, предстоят серьезные деловые переговоры. Полугодовую визу мне открыл, спасибо. Только срок ее месяц назад истек, а я так никуда и не выехала, – с горечью добавила она.

– Завтра же попрошу партнеров выслать новое приглашение, – виновато опустил голову Виталий. – Мне казалось, тебе самой никуда не хочется. Ты никогда не высказывала особого желания. И не возражала никогда. Против поездки в Египет ты тоже не возражала.

– А что я должна была делать? Топать ногами, рвать на себе волосы? Ты ведь просто поставил меня перед фактом: улетаю такого-то числа.

– Из-за своей работы ты все равно не смогла бы полететь.

– Откуда ты знаешь? Ты ведь мне не предлагал? Хотя все эти разговоры – если бы да кабы – теперь бессмысленны, только настроение портят. Главное, что у тебя есть другая женщина.

– Кроме тебя, у меня нет никакой другой женщины. И не будет, – густо покраснел Виталик. – Я с ней расстался.

– И давно?

– На следующий день.

Катя удивленно хмыкнула.

– Я ее уже и с работы уволил, – словно оправдываясь, добавил он. – Вернее, пока отправил в отпуск. Но за это время она должна подыскать себе новое место.

– Жестоко, – впечатлилась Катя. – Не жалко? Столько времени зря потрачено на поиски хлебного места с похотливым директором в придачу.

– Ты не права. Она – не такая.... Она – хорошая и с работой справлялась, – опустил голову Виталик.

«Хорошая... Конечно, наша лучше всех! – горько усмехнулась Катя. – А ведь он даже не понимает, что, защищая ее, делает мне больно. О чем тут дальше разговаривать?»

– Но из-за нее я едва не потерял тебя, семью, – продолжил Проскурин. – Так что жалко не жалко – мы с ней расстались. За это время я понял, что ты – единственная женщина, которая мне нужна.

– За какое время? За год встреч с любовницей? Или за пять недель, как все открылось и я ушла? Бедненький, как же ты мучился, кого выбрать: уволить любимую игрушку или расстаться с женой? – сочувствующе покачала головой Катя. – Как канатоходец: то к Катеньке потянет, то Настеньку пожалеть. И та хороша, и эта. Даже льстит, что выбрал меня.

– Зачем ты все утрируешь? – бросил на нее укоризненный взгляд Виталий. – У меня ни разу и мысли не возникало с тобой расстаться... А тут еще родители прознали, что мы в ссоре. Расстраиваются. Они тебя любят. И я тебя люблю.

– Надолго ли тебя хватит? – усмехнулась Катя. – Ведь ничего не изменится: твоя и моя работа, друзья, приятели. Скоро тебе снова захочется, чтобы кто-то все бросил и примчался по первому зову.

– Не захочется. Потому что мы с тобой начнем все сначала: ты и я – так, как прежде. Ведь у нас с тобой были и совсем другие времена.

– Были, – согласилась она и задумалась. – Были счастливые времена, счастливые дни, часы, мгновения. Только все они в прошлом. Чувств былых нет, Виталик, вот в чем беда. Умерли. И возродить их невозможно. Так что не стоит обманываться.

– Ты ошибаешься, чувства есть! В тебе говорит обида! Мы обязательно будем счастливы! – с жаром принялся уверять он. – Построим дом не хуже, чем у Валерки! Родим ребенка. Мы снова пойдем на ЭКО. И у нас обязательно получится!

Катя тяжело вздохнула, опустила глаза и задумалась.

– Нет, Виталик. Ничего у нас уже не получится, – наконец произнесла она.

– Почему? Ведь доктора уверяли, что не все потеряно. Ну, пропустили время – повторим заново.

– Не повторим, – подняла она взгляд и неожиданно даже для себя призналась: – Я больше не хочу от тебя ребенка.

Над ними нависла гнетущая тишина, нарушаемая лишь позвякиванием столовых приборов из подсобки.

– И обиды на тебя у меня нет, – продолжила Катя. – Была поначалу, ты прав. Даже очень сильная. Но прошла. Сама удивляюсь, почему так быстро. Видимо, потому, что за эти недели у меня на многое открылись глаза. Нет между нами любви, давно нет. Есть привычка, общая квартира, общая постель, общий быт. Эдакие удобства, позволяющие не замечать, что мы с тобой давно стали чужими. Нам действительно надо начинать жизнь сначала, но, увы, каждому свою. Если мы хотим быть счастливы...

– Тебе кажется...

– Это тебе кажется! – перебила его Катя. – Ты пытаешься обмануть себя, меня. Люди всегда цепляются за старое до последнего только потому, что новую жизнь начинать страшно!

– А тебе не страшно? – после небольшой паузы глухо спросил Проскурин.

– Страшно. Когда улеглись первые эмоции, ты даже представить себе не можешь, как стало страшно! Я ведь прекрасно осознаю, что жила за тобой почти как за каменной стеной, ты был хорошим мужем, надеждой и опорой...

– Тогда в чем дело, черт возьми?! – раздраженно повысил он голос. – Если я был таким хорошим мужем, то я им и остался! Ничего ведь не изменилось!

– Изменилось, Виталик. Одна история с шубой чего стоит! Признайся, я ведь никогда не была женой-транжирой, всегда довольствовалась малым. И, по сути, шуба – единственная роскошная вещь, которую ты мне подарил. Да я никогда и не просила подарков.

– Разве, кроме шубы, я тебе ничего не дарил? – растерялся Виталий. – А машина, а ноутбук, а отдых за границей? А сколько денег вбухал в автомойку тестя?

– Машине десять лет. А отец когда-то тоже вложил немало денег в нашу первую квартиру, – напомнила Катя. – Да, конечно, ты ему помог. Но, насколько я знаю, не безвозмездно: отец выплачивает тебе проценты, возвращает долг. И потом, это ваши дела, ваш бизнес. Меня он не касается.

– Ну хорошо... Давай прямо отсюда поедem в автоцентр и закажем тебе новый автомобиль!

– Да не в подарках дело, как ты не понимаешь?! – в сердцах воскликнула Катя. – В истории с шубой ты унизил не только меня, но и себя! Разве любящие мужчины так себя ведут?!

– Ну, извини, – потупил глаза Виталий. – Виноват, выпил тогда лишнего. И шубу давно твоему отцу отвез. Если бы не этот Ладышев, ничего бы не было.

– А что тогда было? Случайный человек предложил перевезти вещи.

– Я же не знал.

– Тем не менее едва с ним не подрался. Что, впрочем, с успехом умудрился сделать при следующей встрече.

– Ну, приревновал... Почему какой-то тип все время вокруг моей жены вертится? Я же не знал, что он тебе работу предложил.

– Это не ревность, Виталия, это собственнический инстинкт, – констатировала Катя.

– И что в этом плохого? Ты ведь моя жена. Как съехала с квартиры, туда даже заходить не хочется, – поделился он и, скривившись, потрогал рукой бок. – Ребро сломано, болит.

– Сочувствую. И понимаю. Больно видеть чужого мужика рядом со своей женой, это верно. А мне легко было наблюдать за вашей встречей в аэропорту. Но есть одна разница: в тот момент ты был моим мужем, сейчас я – жена бывшая, пусть нас пока и не развели.

– Ты не бывшая, ты – настоящая. Катя, пожалуйста, возвращайся домой, – с мольбой произнес Виталик. – Ты не можешь вот так вот, одним махом, разрушить свою жизнь, мою! Я десять лет ее строил! Очень прошу, одумайся, пока не поздно! Ну наказала ты меня, ну подала на развод. Я исправился, попросил прощения... Ну позлила ты меня с этим Ладышевым. Катя, я последний раз прошу: возвращайся! Ты меня знаешь, на коленях за тобой не поползу, – вдруг добавил он с угрозой.

Услышав последнюю фразу, Катя улыбнулась.

– Ну вот, наконец-то. Теперь я вижу, что передо мной настоящий Виталий Проскурин.

– Не понял...

– Все ты понял, Виталик, – вздохнула она. – Плохой из тебя актер. Извини, но я не верю твоим словам о любви. И не меня ты боишься потерять, а жизнь, которую строил десять лет. Только зря стараешься. Тебе нужна другая женщина.

– Какая?

– Которая будет тебя любить таким, какой ты есть. Прости, я больше не могу ею быть.

– То есть... Ты всерьез не собираешься возвращаться?

– Не собираюсь, – твердо ответила она. – И даже благодарна тебе, что подтолкнул меня к такому шагу. Сама бы я никогда не решилась, так и продолжала бы жить в плену иллюзий. Поэтому, – окинула она взглядом уставленный закусками стол, – предлагаю выкурить трубку мира и выпить за счастливое будущее, которое мы построим уже порознь.

Виталик протянул руку к ведерку, из которого торчало горлышко бутылки, но вдруг остановился.

– Нет, подожди. Я не буду за это пить. Ты должна хорошенько подумать.

– А мне уже нечего думать, – спокойно отреагировала она. – Сегодняшнюю ночь я провела с другим мужчиной. До этого моим единственным мужчиной был ты. Вот такая честность, – развела она руками.

Проскурин помрачнел, на скулах шевельнулись желваки.

– Я понимаю, тебе это неприятно слышать. Жестоко для мужского самолюбия, но это правда. И я призналась тебе для того... – она замялась, – привела как доказательство, что обратного пути нет. Я серьезно намерена расстаться, и теперь у тебя тоже есть повод со мной развестись.

– Отомстила, значит... Это Ладышев? – после долгой паузы глухо уточнил Виталий.

– Нет, что ты! Это другой человек, – соврала Катя. – Ты с ним не знаком. В боулинг вчера играла, познакомилась и вот... Я не собиралась тебе мстить, так получилось.

Показалось ей или нет, но Проскурин облегченно вздохнул.

«Странная у мужчин логика, – усмехнулась она про себя. – С кем – второстепенно. Главное – не с тем, кто оказался сильнее и едва не набил морду. Не с обидчиком, короче».

– Ну, будем пить? – напомнила она.

Виталик снова машинально достал из ведра бутылку, но тут же опустил ее и мрачно уставился на пустой бокал.

– Не хочешь... Ладно, извини. Если честно, то мне тоже не до выпивки. Пора, – Катя с затаенной тоской посмотрела на аппетитные блюда на столе: с утра во рту не было и маковой росинки. – Спешу, – виновато повела она плечами. – Надеюсь, все остальные вопросы мы также разрешим миром, без адвокатов. На твой бизнес и имущество я не претендую. Так что всего доброго, Виталик. Удачи тебе.

Чуть не сбита с ног ледяным порывом ветра, Катя спустилась по ступенькам, юркнула в подземный переход, перебежала на другую сторону проспекта и, почувствовав нестерпимый приступ голода, повернула к «Макдоналдсу». Сделав заказ, она поднялась на второй этаж и присела за свободный столик у окна.

«Чем бы заняться? – медленно пережевывая кусочки курицы, размышляла она, чувствуя, что вместе с насыщением возвращаются воспоминания о безрадостном утре. – Все-таки отпуск. Позвонить кому-нибудь, попроситься в гости? Ни машины, ни телефона. Как без рук... Заехать к Ладышеву? – раздумывала она, тупо рассматривая проносящиеся за стеклом машины. – Нет, ни за что! Придется тащиться домой».

Неожиданно ее внимание привлекло остановившееся через дорогу такси. Виталик торопливо сбежал со ступенек и нырнул в салон.

«Уехал... Интересно, куда? Вряд ли домой, скорее всего, к Толику. Или к Анастасии Сергеевне? Все может быть... А ведь странно, что мне все равно, – продолжая смотреть в окно, подумала она как-то отстраненно. – Можно было «простить» и с гордым видом вернуться обратно. Пылинки бы первое время сдувал. И о том, что у меня был другой, никогда не узнал бы. Но ведь я не только для него призналась, для себя тоже, – неожиданно поняла она. – Обратной дороги нет... Ни мужа, ни любовника... Глупая я баба, наверное...»

Аппетит тут же исчез. Отставив недоеденную курицу и недопитую колу, она вытерла салфеткой руки, убрала со стола поднос и поплелась к выходу.

За дверью квартиры снова надрывался телефон. Сердце моментально сменило ритм и застучало в груди маленьким молоточком: «Вдруг Ладышев? Он знает номер...» Лихорадочно отыскав в сумке ключи, она вломилась в прихожую. Звонок прекратился. Но тут же повторился снова.

– Катя?! Наконец-то!!! – обрадованно заорали в трубке. – Я тебя полдня разыскиваю: тарабаню, тарабаню. По мобильному какой-то мужик отвечает, отец не говорит, где ты.

– Генка??? Кто тебе дал этот номер?

– Да мужик тот и дал. Что случилось? Почему ты не у себя в квартире?

– Гена, я развожусь с мужем.

– Это правда?

– Правда, Гена... К счастью или к несчастью, но это правда.

Неожиданно ее глаза увлажнились: как всегда, в самый трудный момент Генка тут как тут!

– К счастью, конечно, к счастью, Катюнь! – тут же уверил ее друг. – Между нами, мне твой Виталик никогда не нравился! Впрочем, как и я ему!

– Ты где был? Ты сейчас где? – всхлипнула Катя. – В Германии?

– Не угадала, чуть ближе. Правда, Минск проехал, вернее, пролетел. Мы здесь с пятницы, почти на две недели. Задержались в командировке одной... Долго рассказывать. Ты плачешь? – насторожился он.

– Это от радости, – пытаюсь сдержать слезы, выдавила она. – Ты так вовремя позвонил...

– Постой... Ты плачешь, все-таки ты плачешь... Что это за квартира?

– Арины Ивановны, папиной жены... Я ведь ушла от Виталика.

– Это я уже понял... – Гена задумался. – Значит, так: сегодня я прилечу в Минск. В крайнем случае завтра. Только не плачь, слышишь? Жаль, что сама не можешь ко мне выбраться.

– Я могу... Могу, Гена, я в отпуске! – не в силах больше себя сдерживать, заревела Катя и сползла по стенке на пол. – Прямо сейчас поеду на вокзал и куплю билет на ближайший поезд. Только куда? Ты где остановился?

– Вообще-то, у московского друга на квартире... – замялся он. – Но я решу этот вопрос. Ты только сообщи, какой поезд встречать.

– Я тебе сразу позвоню, как только куплю билет. И насчет моего ночлега не волнуйся: остановлюсь у подруги. Или, в крайнем случае, в гостинице, – вытирая ладошкой бегущие по щекам слезы, забормотала Катя. – Как хорошо, что ты приехал, Генка! Ты себе даже представить не можешь, как хорошо и как вовремя!

– Постой, а как же ты мне позвонишь? Ты забрала свой телефон? – опомнился он. – И что это за мужик мне отвечал?

– Случайный знакомый. Так получилось, что телефон у него остался. Я позвоню из автомата.

– Обязательно! На всякий случай запиши адрес в Москве и номер телефона. Есть чем записать?

– Сейчас, – Катя подтянула к себе сумку, вытащила первую попавшуюся ручку и записную книжку. – Диктуй... Записала, жди звонка. Я тебя целую, – улыбнулась она сквозь продолжавшие катиться по щекам слезы. – Ты настоящий друг...

2

В понедельник Вадим проснулся задолго до прихода домработницы. С одной стороны, редкий случай, так как Галина Петровна появлялась ровно в семь, с другой – в этом не было ничего удивительного. Предыдущую ночь практически не спал, затем хорошо выпил с друзьями, соответственно, рано улегся – примерно в девять вечера, как только проводил Андрюху с Саней до такси. Даже посуду не убрал, что ему совсем несвойственно. А ведь родители с детства прививали любовь к идеальному порядку. Всегда и во всем, особенно в голове.

«Рука должна быть твердой, голова – ясной, движения отточенными, – учил его отец. – Цель должна быть четко сформулирована, путь к ней продуман до мелочей, чувства и желания под контролем, речь – лаконична, без лишних отступлений. И боже упаси позволить эмоциям взять над тобой верх!»

Тактичность, вежливость, располагающая улыбка, умение терпеливо выслушать собеседника – у отца он научился многому. Тому же доведенному до автоматизма анализу текущей ситуации. Не холодный расчет, а именно анализ, этакое параллельное мышление, позволяющее или сохранить твердость, или проявить гибкость. Сергей Николаевич готовил сына к великим свершениям, верил, что со временем тот станет светилом медицины...

Щелкнув выключателем настольной лампы, Вадим глянул на часы и позволил себе еще немного поваляться в постели: не мешало на свежую голову проанализировать последний период жизни. Тщательно планируемая, она все чаще давала сбои. Мог ли он подумать, что затеянное скуки ради знакомство получит такое продолжение? События, словно звенья, нанизывались одно за другое, спаивались, обрастали новыми деталями и превращались в итоге в прочную цепь.

До вчерашнего утра он считал, что всецело контролирует свою жизнь: создает свои звенья событий, нанизывает одно на другое, скрепляет, спаивает. И тут вдруг выяснилось, что кто-то другой завладел этой цепью, опутал его ею и в какой-то момент даже предпринял попытку его подчинить.

И дело даже не в его квартире и не в этой кровати, на которой впервые спала женщина. По большому счету, здесь нет ничего страшного: во всяком случае, в его предыдущем жилище такое случалось. Однако то ли он стал другим, то ли его отношение к женщинам стало иным, но он давно не чувствовал такой душевной тоски, которая вопреки принятому решению поглотила его со вчерашнего утра. Даже за столом с друзьями снова никак не мог отрешиться от мыслей о Кате.

«И чем это объяснить? – как заевшая пластинка, вернулся он ко вчерашнему безрадостному разговору с самим собой. – Опять не отпускает меня мое прошлое. Неужели никогда не смогу от него отрешиться, выдавить из себя страх? Как же ноет душа...»

... Не бывает в чистом виде врачебных ошибок, бывает стечение обстоятельств, из которых вытекают медицинские неудачи. Стечение обстоятельств, вдребезги разбившее все, чем до сих пор жил, дышал, к чему стремился, – именно так и случилось когда-то с Ладышевым, в ту пору Корневым. И даже спустя много лет, когда события тех дней подзабылись и душа успокоилась, осталось то, с чем он не мог смириться: смерть молодой девушки, предательство любимого человека и кончина отца. Три незаживающие раны...

Он хорошо помнил тот солнечный весенний день, когда познакомился с Лерой: в приемный покой вызвали свободного хирурга, и свободным оказался именно он. Однако встретившая его гинеколог, голубоглазая блондинка с пухлыми губами и мягким грудным голосом, отказалась от консультации хирурга, так как больная была по ее профилю.

Говоря образно, с этого момента Ладышев, вернее, Корнев, и пропал: перестал есть, пить и спать, по любому поводу и без повода старался заглянуть на гинекологический этаж, по первому зову мчался туда ассистировать, по утрам нарочно задерживался у входа в больницу, курил – лишь бы увидеть, поздороваться, перекинуться словечком. Вскоре на его поведение обратили внимание коллеги. Шутили, посмеивались: неужели решил сменить специализацию? Ну а когда догадались, кто является объектом его внимания, то и вовсе не стали давать проходу.

Особенно донимал друг Заяц, работавший в той же больнице анестезиологом: неужели синий чулок Вадим решил изменить науке? Уже сколько раз друзья пытались познакомить его с девушками, но тщетно. А здесь темная лошадка Валерия Гаркалина – старше на пять лет, с ребенком! Биография ее изобилует белыми пятнами, и практически не у кого спросить, что она за человек, чем жила раньше, чем живет сейчас. Сама же дамочка весьма закрытая: разговоры с коллегами – только о работе, моде и погоде.

А ведь поинтересоваться было чем. К примеру, как, окончив Витебский мединститут и проработав пару лет в захудалой районной больнице, она умудрилась перебраться в Минск, устроиться на приличное место и даже получить комнату в общежитии? За какие такие заслуги? Почему ее дочь живет с родителями в Полоцке, а не с мамой? И куда она периодически исчезает по вечерам, а то и по ночам, когда ее пытаются разыскать в экстренном случае? Кругом завеса тайны.

Короче, Андрюхе Валерия не нравилась, как, впрочем, и Вадиму девушка Зайца, с которой тот тогда встречался. Даже будучи свидетелем на свадьбе, Ладышев до последнего момента отговаривал его жениться: мол, замуж за тебя Надя идет лишь по той причине, что ты – внук академика. На что тот парировал аналогично: а ты – профессорский сын, поэтому Лера и уступила твоим ухаживаниям.

В итоге оба оказались правы. Вот только выяснилось это для одного чуть раньше, для другого чуть позже, но на тот момент неприязнь к возлюбленным оказалась сильнее мужской дружбы. То ли в пику друг другу, то ли обидевшись за своих пассий, на какое-то время они почти прекратили совместное времяпрепровождение. Даже созваниваться перестали, оправдываясь тем, что и без того каждый день видятся в больнице. Но лишь до того момента, когда Вадим попал в беду. Андрей тут же, позабыв обиды и недомолвки, вместе с дедом встал на защиту друга, несмотря на то что такой поступок мог ему самому выйти боком. И это было неоценимо, так как профессор Ладышев скоропостижно скончался и уже ничем не мог помочь сыну, а рядом с Вадимом больше никого не оказалось.

Однако все эти события случились гораздо позже, а поначалу не только ближайший друг не одобрил выбор Вадима. Чета Ладышевых без объяснения причин категорически отказалась даже знакомиться с Лерой. Как потом понял сын, до отца дошли дурные слухи о ней, но он промолчал. Не к лицу профессору пересказывать чужие сплетни.

Вадима же поведение родителей обидело до глубины души. Никто и никогда в их семье так открыто не выражал к кому-то своей неприязни!

«Неужели не понимают, что у нас любовь!» – недоумевал он.

Как же он желал, чтобы его избранницу приняли и все вместе они зажили одной дружной семьей: у Вадима есть своя комната, кабинет отца вполне можно переоборудовать под детскую. Лерину дочь он уже полюбил всей душой, хотя еще не видел. Да и родители никуда не делись бы, привыкли... А там, смотришь, и родные внуки пойдут.

Умом он, конечно, мог объяснить такую негативную реакцию отца и матери. Наверняка они мечтали о другой невестке, а здесь – и старше, и ребенок. Но ведь сами же когда-то пренебрегли гораздо большей возрастной разницей! И проблем с родственниками вкусили сполна!

Собственно, тогда и превратилась в пропасть давняя трещина в отношениях между отцом и сыном. Ладышевы были непреклонны. В ответ на их категоричность Вадим решил отделиться и жить самостоятельно. По счастливой случайности Клюев, обладатель маленькой однокомнатной квартиры, доставшейся ему после развода родителей, собрался на стажировку за границу и попросил друга как минимум год присматривать за жилплощадью. В день отъезда Саши тот и перебрался на новое место жительства.

Между тем отношения с Лерой развивались, и Вадим вскоре сделал ей предложение. Красиво все получилось: колечко с маленьким бриллианчиком, цветы, шампанское. Колечко Лера приняла, как, впрочем, и предложение, но попросила подождать со свадьбой. И переезжать к нему отказалась. Объяснила тем, что соседи сразу настучат куда надо и она как мать-одиночка не получит заветных метров в малосемейке. А ведь ей совсем немного осталось потерпеть. Мол, по этой же причине она Вадима к себе и не приглашает.

Таких мотивов отказа он не понял: почему нет, если есть возможность как минимум год жить в отдельной квартире? Ведь до этого им так редко удавалось проводить время наедине! Но Лера была не менее непреклонна, чем родители, и ему пришлось смириться.

Разве он мог тогда предположить, что причина кроется в другом? У него и мыслей таких не возникало! Он верил каждому ее слову!

За это позже и поплатился...

...В гостиной послышались шаги и приглушенное шуршание: значит, пришла Галина Петровна и пора вставать.

Ступив босыми ногами на белый пушистый ковер, Вадим направился в ванную, спустя некоторое время вышел оттуда в белом махровом халате, аккуратно застелил белоснежным покрывалом постель и посмотрел на часы: надо поторапливаться.

Тихо и незаметно для занятой на кухне домработницы он прошел через гостиную, отодвинул зеркальную дверцу гардероба и задумался: что надеть? С одной стороны, серьезных деловых встреч сегодня не намечалось, а с другой – планерка, где начальники отделов и их заместители будут одеты соответственно dress-коду: костюм, рубашка, галстук.

«Ничего не поделаешь, – вздохнул он. – Придется выполнять самолично установленные правила».

Из длинного ряда плечиков с идеально отутюженными рубашками он выбрал темную в мелкую полоску, потянулся за подходящим по расцветке галстуком, затем заглянул в другое отделение шкафа, где висели костюмы. Задвинув зеркальную дверцу, затянул на шее узел, набросил пиджак и посмотрел на свое отражение: вроде, все безупречно.

«Как манекен, – пришла в голову неожиданная аналогия. – Манекен в дорогом костюме от Версаче, в рубашке от Кардена, в галстук от Бриони... Искусственная улыбка и глаза, в которых нет даже намек на жизнь. И зачем только растравил душу воспоминаниями? Надо завтракать и ехать на работу».

– Вадим, что вы так рано сегодня? – встретила его удивленная Галина Петровна. – Я только собралась вас будить, постучала в дверь, а у вас уже и постель заправлена. Наверное, трудный день предстоит? – ловко сервируя стол, поинтересовалась женщина. – Вы бы предупредили. Если надо, могла бы пораньше приехать – встаю ни свет ни заря.

– Все время забываю спросить: а почему вы приезжаете в такую рань? – поинтересовался Вадим, присаживаясь за стол. – Ключ у вас есть, в любое время можно прибраться в квартире.

Насколько он знал, Галина Петровна – женщина одинокая: муж давно умер, две дочери с внуками жили в России.

– Могла бы, конечно, да только чем дома заняться? Спать не спится. Возраст. А ведь в молодости такой лежебокой была! – широко улыбнулась она, поставив на стол ароматный омлет с овощами. – Да и убирать у вас особо нечего. Только пыль смахнуть... Вот одна моя приятельница работает в семье, где трое детей. Так там и уборки, и глажки, и готовки в пять раз больше! Мне даже неловко иногда: за что вы мне такие деньги платите?

– За доверие, Галина Петровна. В наше время сложно найти человека, которому доверишь. К тому же вы и матери помогаете, и на Коммунистической убираете.

– Да там тоже только пыль смахнуть, – улыбнулась женщина. – А с Ниной Георгиевной мы подруги. Вам ужин готовить?

– Нет, не надо, – хозяин сделал глоток кофе и взял в руки столовые приборы. – После всего, что вы наготовили в субботу, неделю придется в спортзале потеть и на диету садиться. Все было очень вкусно, спасибо.

Галина Петровна зарделась от похвалы.

– А гостям понравилось?

– Очень. Еще и вчера с друзьями пировали.

– А девушке понравилось? – вкрадчиво уточнила женщина.

– Какой девушке?

– Той, которая перчатки на тумбочке в прихожей оставила. Там еще телефон чей-то лежит: в нем батарейка садится, так я его на подзарядку поставила. Мое зарядное подошло. Я его на всякий случай всегда в сумочке ношу. Так девушке ужин понравился? – переспросила она.

«Надо было спрятать, – нахмурился Вадим. – И телефон, и перчатки».

– Понравился. Это была девушка моего друга, – быстро нашел он правдоподобное объяснение.

– Вы меня предупреждайте, когда у вас в гостях будут девушки. Я приготовлю что-нибудь низкокалорийное – фруктовый десерт, например. Девушки, они всегда на диете сидят... А что за красота у вас в кабинете стоит? Я заглянула, а там... Просто нет слов...

«Ветка сакуры! – догадался Вадим. – И почему не убрал сразу?»

– Вот я и подумала: наверняка у вас было романтическое настроение. А значит, в гостях была девушка. Особенная девушка... Вы так долго не распаковывали ту коробку.

– Галина Петровна, с каких это пор вы изучаете содержимое моих коробок? – раздраженно буркнул хозяин.

– Я не изучала, – растерялась женщина. – Коробка пустая на полу стоит, вот я и подумала... Обрадовалась, что девушка в гостях была...

– В следующий раз думайте, что говорите, – резко оборвал ее невнятное оправдание Ладышев. – В моем доме нет и никогда не будет места женщине!

Отложив звякнувшие столовые приборы, он резко поднялся со стула, прошел в прихожую, обулся, стянул с плечиков дубленку, прихватил с тумбочки ключи от машины, документы, забытый Проскуриной телефон, сгреб ее перчатки и открыл дверь.

– Завтра утром я уезжаю в Ригу, вернусь к пятнице, – бросил он напоследок обескураженной женщине.

– Ну вот... И кто меня за язык тянул? – расстроенная Галина Петровна посмотрела на почти нетронутый завтрак на столе. – Не было в его квартире женщины... Ну как же! Если бы не было, отшутился бы. А здесь вон как завелся, даже кофе не допил, – и тут же в испуге всплеснула руками: – Бог мой! Только бы не Кира!

Год назад в однокомнатной квартире, также принадлежащей Ладышеву, она застала брюнетку, представившуюся Кирой. Для чего Вадиму Сергеевичу понадобилась еще и эта жилплощадь, Галина Петровна не спрашивала, и без того понятно. Молодому здоровому мужчине непременно нужно встречаться с девушками, и даже хорошо, что он не водит их на Сторожевку. Однако дамочка, с которой ей тогда пришлось столкнуться, оставила о себе самые неприятные воспоминания. Ну да, разбудили ее, но извинились же. Откуда столько презрения, даже брезгливости по отношению к женщине, годящейся ей в бабушки? Разве можно так себя вести с пожилым человеком, которого в первый раз видишь? В общем, Галина Петровна ответила взаимностью – невзлюбила Киру с первой минуты. Тоже мне краля на ночь! И не таких видывала, когда работала администратором в ресторане!

После этой встречи они столкнулись еще раз, но не обмолвились и словом. А затем Галина Петровна попросила Вадима Сергеевича предупреждать, когда в квартире кто-то оставался на ночь. С тех пор, к счастью, они не встречались.

«Не дай бог Нине такую невестку!» – перекрестилась она и принялась убирать со стола...

...Виталик открыл глаза и не сразу понял, где находится. Затуманенная голова гудела, тело, точно побитое накануне, ныло, болело, не желало слушаться не то что воли хозяина,

но даже вполне понятных позывов жизнедеятельности организма. И все же надо было как-то себя пересилить, подняться, заставить принять вертикальное положение и найти туалет.

На помощь пришло чуть просветлевшее сознание: он – у Замятина в Боровлянах, на третьем этаже, в гостевой комнате. Санузел – на втором. И угораздило же архитектора не запроектировать его там, где он в данный момент нужен больше всего!

Чертыхнувшись, Виталик медленно присел на край дивана, но тут же закрыл глаза и обхватил ладонями закружившуюся голову, словно попытался крепче прикрепить ее к месту, где ей, собственно, и надлежало быть. Вроде получилось, и в мозгу моментально включилась спасительная ассоциация с приборной доской в кабине пилотов: вот он – горизонт, вот он – штурвал, теперь надо изо всех сил напрячься, совместить непослушные линии, постараться удержать, намертво скрепить, зафиксировать мыслительным процессом...

На самом деле Проскурин никогда не бывал в кабине пилотов, никогда не держал в руках штурвал. Он вообще боялся летать, хотя в детстве, как все мальчишки, мечтал стать летчиком. Возможно, с тех времен и засела в мозгу эта ассоциация-видение, которая позже стала единственным спасительным средством после обильных застолий. Когда он впервые ею воспользовался, и сам не помнил: то ли на выпускном, когда впервые напился с одноклассниками, то ли когда с такими же, как сам, дембелями в ожидании поезда встречал Новый год на станции Ачинск. Но это точно случилось до студенчества, иначе вылетел бы из вуза еще в колхозе, не дожив до первой сессии.

А все потому, что Виталик плохо переносил крепкий алкоголь. Видимо, это наследственное – в организме не доставало каких-то ферментов. Потому-то отец и отказался когда-то наотрез от алкоголя. А вот у него не получалось: без конца какие-то клиенты, партнеры, проверяющие, и порой никак не обойтись без выпивки.

Эх, везет Толику! На три года младше, тот и в общежитии, пока учились на строительном, мог за троих дерябнуть непонятно какой бодяги и назавтра выглядеть как огурчик. Что уж сейчас говорить, когда он может позволить себе куда более качественное спиртное!

Опустив руки, Виталик открыл глаза. Терпимо. Можно приступать ко второму этапу. Зафиксировав взглядом висевшую на противоположной стене картинку в рамке, он медленно встал, принял вертикальное положение. Есть! Теперь не спеша, шаг за шагом к лестнице, стараясь не раскачиваться, не делать резких движений... Так, вот они, поручни, ступеньки... Только бы туалет не оказался занят!

И с чего бы он вчера так набрался? Ведь прекрасно знал, что ждет утром и что ближайшие сутки будут вычеркнуты из жизни, словно их и не существовало в календаре! А какой сегодня день? Воскресенье, понедельник? Кажется, понедельник... День тяжелый, не зря говорят... Хорошо хоть на стройрынке выходной.

Покинув к великому счастью оказавшийся пустым туалет, из последних сил совмещая в мозгу горизонты, он снова поднялся в гостевую и упал на диван.

«И куда только Катя запропастилась?» – мелькнула в мозгу безнадежно опоздавшая мысль.

Машинально подтянув к себе соседнюю подушку, Виталик крепко прижал ее к груди и тут же провалился в пустоту...

Он считал себя хорошим мужем. Во всяком случае, старался таким быть. К счастью, с генами от отца ему передалась не только непереносимость алкоголя, но и хозяйская хватка. Все – в дом, по копейке, по рублику. При этом финансы следует держать в своих руках, избегая непродуманных трат. Если бы было иначе, не переехала бы семья Проскуриных к рождению долгожданного сына в новый дом в Смолевичах, не ездили бы раз в год на собственной машине к морю.

Собственно, такой подход к жизни и помог Виталику создать бизнес: рубль к рублику, доллар к доллару. И с женой ему повезло: все понимала, не капризничала, не ныла, по магазинам не бегала, довольствовалась малым. К тому же для женщины и сама зарабатывала неплохо, денег у мужа не клянчила, порой даже своими делилась: зачем менять валюту, когда у нее рублей вполне достаточно. Так что дорогие подарки, на которые иногда расщедрился муж, были ею вполне заслужены, и принимала она их с искренней радостью. С годами Виталик даже научился получать удовольствие от того, что пусть нечасто, но к знаковым семейным датам баловал жену то поездкой с ним на хороший курорт, то новым ноутбуком, а то и норковой шубой.

Однако, как в любой семье, имелись и у них свои проблемы. Первая – не было детей. Честно говоря, в начале совместной жизни Виталик совершенно не страдал из-за отсутствия отпрысков: меньше трат, успеют еще! Он и сам появился у родителей довольно поздно. К тому же ему не так повезло, как Замятину, у которого тесть трудился заместителем директора гремевшего на весь бывший Союз завода и до того, как завод задышал на ладан, помог зятю не только бизнес открыть, но и сколотить капитал. Так что Толик легко рванул вперед с высокого старта, и ему сразу можно было заводить детей.

А вот Проскурину приходилось беспокоиться не только о собственном благополучии: родители один за другим вышли на пенсию, тесть – отставник. Надо было всем помогать и желательно так, чтобы родственнички не сидели на его шее, а занимались делом.

В этом плане с Александром Ильичом ему повезло: крепкий мужик, работающий. Сам подсказал тему с автомойкой, сам пробил, сам отстроил, сам пашет и другим лениться не дает. Проценты ему исправно платит и дочери периодически что-то подкидывает в виде подарков. Словом, настоящий полковник. Так, смотришь, через пару-тройку лет отобьет одолженную у зятя сумму и станет полноправным совладельцем, коим пока являлся лишь на бумаге.

Вторым неприятным фактом супружеской жизни была профессия жены: целыми днями пропадала она или в редакции, или на каких-то встречах-презентациях, а если и появлялась дома раньше, до ночи сидела за компьютером. Конечно же, как любого мужа, которому вместе с хозяйственностью передались и домостроевские устои, Виталика время от времени это сильно раздражало. И, конечно, он мечтал, чтобы жена сидела дома, встречала его по вечерам, кормила щами и котлетами. Но всего лишь мечтал, понимая, что супруга не должна маяться дурью, а тоже обязана заниматься делом. И пока они живут без детей, так и быть, пусть работает, пусть тешит его и свое самолюбие. Тем более, что это у нее неплохо получалось. Виталику даже льстило, когда свою фамилию он обнаруживал на страницах самой популярной ежедневной газеты.

Собственно, ради этого он и просматривал «ВСЗ». Именно просматривал, а не читал. Некогда ему было. Да и не любил он читать, не нравилось ему это занятие с детства. У родителей полки ломились от модных тогда книг, которые они и не раскрывали, и сыну подобную страсть привить не старались. Уж лучше пусть отцу по хозяйству подсобит.

Конечно, жена-интеллектуалка напрягала порой не только его, но и родителей. Впрочем, своей образованностью она особо не кичилась, не давила и не усердствовала в стараниях духовно возвысить родственников. То ли понимала, то ли чувствовала, что это не для Проскуриных, то ли... То ли с годами охладела к супругу.

Подобная несуразная мысль стала все чаще посещать Виталика в последние годы. Теперь, когда его бизнес устоялся, стал приносить стабильный доход и уже не требовал от хозяина полной самоотдачи, ему хотелось больше внимания, тепла, уюта. Но жена по-прежнему думала лишь о работе. И тогда он решился на ЭКО, о чем часто поговаривала супруга.

Подготовка к этому процессу неожиданно их сблизила: вместе проходили обследования, вместе мечтали, вместе гуляли по вечерам, да и вообще стали больше общаться друг с другом. Ведь как было раньше: «доброе утро», «добрый день», «как дела», «добрый вечер», «я пошел спать», «мне еще надо поработать», «спокойной ночи» – вот, собственно, и весь набор фраз, повторяемых изо дня в день. А здесь вдруг словно прорвало обоих: признания в любви, верности, бесконечные разговоры о будущем.

Виталик и сам не предполагал, насколько он может быть романтичным, нежным, щедрым на слова и подарки! И на фоне всего этого – страстный секс, о котором оба уже стали забывать.

Но... Вместе с неудачной попыткой ЭКО все и закончилось. И если вначале они еще как-то поддерживали друг друга в своем самом настоящем горе, то спустя время все вернулось на круги своя. Правда, Виталик попробовал сделать еще один шаг к спасению короткой семейной идиллии – предложил Кате оставить редакцию и перейти работать к нему. Мол, ему нужна ее помощь, она будет не так загружена, больше времени станет уделять своему здоровью, которое потребуется для следующего ЭКО.

Но супруга категорически отказалась, объяснив это тем, что журналистика для нее – такая же жизненная необходимость, как для него собственный бизнес. Сказать, что его это задело, – не сказать ничего. А как же он? А как же то, что он думает, чувствует, желает, в конце концов? Все это не учитывается? Затаив в глубине души обиду, он снова замкнулся в себе. Вот тут-то все и случилось...

Молоденькая девушка, заглянувшая вместе со своим отцом в один из его магазинов, запала ему в душу не с первой минуты знакомства. Покупатель приехал вернуть упаковку строительной смеси, которая, по его словам, не соответствовала указанному цвету. К счастью или несчастью, но директор оказался в нужном месте в нужную минуту. Сверив чек, упаковку и штрих-код по компьютеру, он вынужден был согласиться: да, что-то напутали на складе. Виталий принес свои извинения и предложил покупателю вернуть деньги или же немного подождать, пока принесут нужный товар. Даже на кофе или чай пригласил к себе в кабинет.

Мужчина согласился подождать, но от угощения отказался. Некогда ему, ремонт в квартире давно пора заканчивать, так что он лучше походит по рынку и прикупит то, чего не хватает строителям. А вот дочь, поначалу воротившая нос и заносчиво представившаяся как Анастасия Сергеевна, не только не отказалась от кофе, но и поинтересовалась, где можно украдкой от родителя покурить.

Сам Виталик курил крайне редко, завязал с этой привычкой сразу после армии, но девушке отказать не мог и вывел через черный ход во дворик. Хотя в то, что дочь побаивается папашу, судя и по ее поведению, и по одежде, верилось с трудом. Несмотря на плотноватую фигуру, на девушке был весьма откровенный наряд, в котором главенствовали короткая юбка, просвечивающаяся блузка и туфли на высоченных каблуках. Плюс броский макияж, длинные ногти с бьющим в глаза ярким покрытием, блондинистые волосы до талии.

Слово за слово – разговорились. К удивлению Виталика, выяснилось, что девушка совсем не глупа, как показалось сразу. Студентка, и подработку найти не прочь – надоело выпрашивать деньги у родителей. На вопрос о будущей профессии ответила просто: экономист, но это выбор родителей. Была бы ее воля, лучше занялась бы рекламой. Еще раз внимательно посмотрев на девушку, Виталий снова пригласил ее в кабинет и, долго не раздумывая, протянул анкету соискателя вакантной должности.

В тот момент он ни о чем таком не думал и не загадывал. Более того, в воскресенье среди прочих даже показал заполненную анкету Кате. И лишь тогда, взглянув на фотографию, обратил внимание на внешнее сходство Анастасии Сергеевны с собственной супругой. Что, кстати, не укрылось и от ее профессионального взгляда. Еще и смешную фамилию

отметила – Кошкина. Вот только жаль, что студентка, опыта никакого. В мозгу Виталика сразу что-то щелкнуло, и непонятно почему он с жаром стал доказывать, что лучшей кандидатуры не найти. Девушка умная, не только согласна на небольшую зарплату, но при необходимости может подменять продавцов. Неделю назад окончила водительские курсы, отец обещал ко дню рождения подарить ей машину. А работник на колесах делу не помешает!

Вот так все и завертелось. Но, опять же, не сразу, а спустя несколько месяцев. Проскурины тогда вернулись из Греции. Наутро хорошо отдохнувший директор вышел на работу, всем привез подарки, сувениры. К концу дня, закрыв магазин, сотрудники распили бутылку вина, презентованную шефом, закусили заморскими сладостями и разошлись по домам. Все, кроме сильно захмелевшей Кошкиной и директора, который не пил, но посочувствовал девушке и предложил подвезти до дома. Вот только от ворот стройрынка пришлось ехать на Вячу. Совершенно раскисшая Анастасия Сергеевна заявила, что в таком виде она родителям не покажется и будет до утра сидеть на скамейке, иначе ее запилят. Оставался единственный выход – освежиться.

Даже сейчас, спустя более года, Виталик не мог объяснить, что на него тогда больше действовало. Безграничное уважение и обожание в каждом взгляде, жесте, слове Анастасии Сергеевны? Ее молодость, очередная чересчур короткая юбка, сексапильность, кокетливые глазки, игривые нотки? Необычайно жаркий день? Или подзабытое элементарное желание обаять, вскружить кому-то голову, а там... Собственно, почему бы и нет?

Виталик хорошо помнил, как сидел на берегу и в свете луны любовался обнаженной женской фигурой, красиво и изящно погружавшейся в отсвечивавшую серебром темную воду. Помнил, как заволновался, что давно не слышно ни голоса девушки, ни всплеска. Не выдержав, он быстро сбросил одежду и с криком «Настя!!!» ринулся в воду. Мозг при этом живописал страшную картину: вот она медленно погружается на дно водохранилища, длинные льняные волосы при этом колышутся, обволакивают ее, создают сияющий ореол вокруг тела...

Он даже испугался, когда совсем рядом раздался звонкий смех, необычайно теплые в сравнении с прохладной водой губы прильнули к его губам, закружилась голова, он рефлекторно прижал к себе податливое тело девушки, подплыв к берегу, подхватил ее на руки...

Все случилось стремительно, точно молния, пронзило необыкновенное сладострастие каждую клеточку! Потому, когда где-то в сброшенной впопыхах одежде зазвонил телефон, Виталик даже не понял сразу, что это за звук и зачем он здесь, когда так хорошо... Телефон умолк, спустя какое-то время вновь затрезвонил. Пошатываясь, точно пьяный, он встал, не без труда отыскал мобильник, автоматически глянул на дисплей...

Отрезвление наступило мгновенно: Катя! Боже! Неужели она как-то узнала??? Застыв на несколько мгновений над аппаратом, дрожащим пальцем он нажал прием... Нет, ничего не знает, ничего не подозревает. Раньше времени вернулась домой, приготовила ужин, волнуется, почему он задержался и не звонит.

Успокоив жену, что все в порядке и скоро будет, Виталик обхватил руками голову, посмотрел на яркую луну, на которую медленно наползало темное облако, и понял: случившееся заставило его раскаяться, но он уже не сможет забыть то, что произошло на берегу. Как и не сможет противостоять желанию повторить это снова.

А ведь до последнего момента он и не помышлял о любовнице. Более того, даже осуждал Замятина, который постоянно заводил себе все новых пассий. Хотя, чего греха таить, и с Проскуриным порой случалось то, от чего не могут отказаться девять из десяти женатых мужиков. Уж слишком настойчивы бывают путаны в придорожных мотелях, где ему иногда приходилось заночевать.

И хоть периодически на него нападали приступы чувства вины перед Катей, спустя неделю Виталик снял у переехавшего в Боровляны друга опустевшую двушку на Парти-

занском, оговорил с Анастасией Сергеевной правила конспирации, купил новое постельное белье и зажил параллельной жизнью. Благо жена по-прежнему с головой была погружена в работу и свято доверяла мужу. Ну а Замятин только усмехался: я же говорил, все мы там будем!

Никогда не говори никогда...

– М-м-м... – простонал Виталик и открыл глаза.

За окном было темно. Голова просто раскалывалась.

– Эй! – раздался откуда-то зычный голос друга, затем послышалось громкое топание по лестнице. – Ты там живой?

Скрипнула дверь, в комнате зажегся свет.

– Погаси, слышь? – взмолился Проскурин. – Башка трещит, сил нет.

– А то я не знаю, что трещит. Сам виноват: как влетел вчера нежданно-негаданно, так почти сразу полбутылки выдул. Первый раз тебя таким нервным видел. Вот, пришел друга спасать, – Анатолий присел на край дивана, протянул стакан воды и две таблетки на ладони. – Валька прислала, переживает за тебя, волнуется.

Проскурин приподнялся, молча сгреб таблетки, закинул в рот, жадно осушил стакан и снова откинулся на подушку.

– Хорошая у тебя жена, – пробормотал он.

– А то! – цокнул языком Толик. – Воспитывать надо! Я ее ни на кого не променяю! Стол давно накрыт, ужин дважды разогревала. Я пораньше с работы приехал, с детьми успел по улице прогуляться. Там внизу твой телефон трезвонит как заведенный. Родителям я ответил, что спишь. СМСки после прочитаешь. Принести или сам спустишься?

– Сам, – выдохнул Виталик, прислушиваясь к себе: головная боль пока не собиралась сдавать позиции. – А Катя не звонила?

– Не знаю. И вообще хватит! Пора успокоиться и выбросить ее из головы. Как другу советую. Гордыня, видишь ли, выиграла, отомстить она решила, переспала с первым встречным. Уж от кого-кого, но от Катки я не ожидал!.. Ну и фиг с ней! Найдешь другую! Будет с тебя пылинки сдувать, а не трепать нервы по пустякам. Ты и так, как затворник, жил, никуда тебя было не вытянуть. Теперь вот страдаешь. А она, поверь, особо не переживает, если вообще переживает. В боулинге она, видите ли, была! Распустил ты своих баб! Настя твоя, «мегазвезда», тоже хороша: все по клубам шастает да в «Мире фитнеса» пасется, новую жертву высматривает, – усмехнулся он.

– Я никогда не запрещал ей ходить по ночным клубам. А уж сейчас и подавно, – скривился Виталик. – Я ее назавтра же и уволил.

– Ну и поделом! Шкурка редкая. Специалистка по тугим кошелькам, блин! И как ей удалось тебя надолго зацепить?! Далеко пойдет, если какая-нибудь обманутая женушка ноги не переломает! – хохотнул Замятин.

– Заткнись! – разозлился Виталик. – Друг называется! Лучше расскажи, как ты мог Катю в аэропорту не заметить?

– Да не было ее там! – виновато развел руками Анатолий. – Чувствую свою вину, поэтому и помочь тебе хочу... Меня одно мучает: почему она все-таки тогда в аэропорту оказалась? Ну хоть убей, не поверю, что случайно! Не бывает таких совпадений! И почему пряталась? Если я ее не заметил, наверняка пряталась! Точно, кто-то ей тебя заложил... Или твои с работы, или... Может, Настины подружки? А что, от зависти запросто могли напакостить!

– Мои не могли: побоялись бы. Катю толком никто и не знал, прежняя секретарша уволилась еще год назад. Да и не позволял я себе ничего такого на работе. А вот ее подружки... Возможно, ты прав: частенько наведывались в магазин, даже пытались глазки строить.

– Эх!.. Зря ты ей позволил приехать за тобой в людное место, я ведь предупреждал.

– А никто и не позволял. Я же с тобой из аэропорта ехать собирался, – простонал Виталик. – Только приземлились, включил телефон – сразу СМСка: «Соскучилась, встречаю!» А ведь я еще тогда, в Египте, после последнего разговора с Катей, решил с ней порвать. И с работы уволить, чтобы не мельтешила перед носом, не заводила... Подумал: если с чистой совестью, может, и удастся новая попытка ЭКО.

– Но ведь поехал с ней, а не домой. Н-да... Подставила она тебя, – сочувствующе вздохнул Анатолий. – А может, ну его? Может, и хорошо, что так все вышло? Катька твоя – как коза строптивая. Еще и с мужиком переспала тебе назло! Неужели простишь?

– Не знаю, – после долгой паузы ответил Проскурин. – Ничего теперь не знаю.

– А что? – уцепился за мысль друг. – Найдешь себе нормальную бабу, воспитаешь ее на свой манер, как я Вальку! Слова супротив не скажет! Ну как голова? Отпускает?

– Отпускает.

– Эх, сколько раз тебе твердил: нет лучше лекарства, чем опохмелка!

– Да иди ты! – скривился Виталик. – Знаешь ведь, я теперь неделю не смогу смотреть на спиртное!

– А ты и не смотри, можно с закрытыми глазами! – встав с дивана, хохотнул хозяин. – Все, жду внизу! Уж поешь-то тебе точно не помешает. И помозговать стоит, как нам вернуть твою жизнь в старое русло. Есть тут одна мысль: надо попробовать на нее через папаньку надавить.

– Хорошо, поговорим. Минут через десять спущусь, – согласился гость и устало прикрыл глаза.

...Когда-то на основании личного опыта Анатолий вывел собственную теорию амурных отношений. Согласно ей при наличии любовницы женатого мужчину подстерегают три опасности. Первая: можно незаметно потерять голову, прикипеть к объекту страсти и натворить глупостей. Вторая: прикипит сам объект, начнет строить далеко идущие планы и натворит еще больших глупостей. И третья: жена наконец узнает о любовнице.

Чтобы избежать всех передраг, по глубочайшему убеждению Замятина, следовало изначально соблюдать основные правила. Первое: любая связь должна быть недолгой. Второе: никогда не говорить любовнице плохо о жене, более того, не лишне периодически напоминать, что не намерен разрушать семью. Третье: тщательно соблюдать правила конспирации и гигиены, то есть страховать от возможных болезней и от случайной беременности тоже. Четвертое: никогда не появляться вместе в людных местах, своевременно удалять звонки и СМСки. Пятое: в день предполагаемого свидания проявить особое внимание к жене, ненавязчиво поинтересоваться ее планами, в частности, где, как и с кем она собирается провести день грядущий. Шестое: со свидания постараться вернуться домой не поздно, желательно раньше супруги. При этом можно еще и «обидеться»: соскучился, мол, отложил дела, сорвался с работы, а дома ни жены, ни ужина. Короче, требовалось предусмотреть и исключить все случайности, которых в этом скользком деле было более чем достаточно. Здесь – как в здравоохранении: легче предупредить, чем потом лечить.

Слушая в первый раз циничные советы многоопытного друга, Виталик усмехался и пожимал плечами: эка невидаль! В себе-то он уверен и девушке уже объяснил, что не намерен ничего менять в своей жизни. А с Катей при ее вечной занятости и полном к нему доверии вообще никаких проблем не должно было возникнуть.

Тем не менее он старался придерживаться этих советов. И даже попытался расстаться с Анастасией Сергеевной. Серьезно готовился, можно сказать, речь отрепетировал, столик для ужина заказал в загородном ресторанчике, где вряд ли кто из знакомых мог их застать. К слову, они частенько обедали вместе. В разных местах, конечно. Впрочем, Виталик

особо не опасался, что кто-то их заметит: обедал с сотрудницей, обсуждал новый проект – на работе не хватает времени.

Девушка приняла его решение расстаться довольно стойко, без слез и истерик. И с аргументами не спорила: он желает сохранить семью, а ей надо искать мужа. Лишь попросила пока ее не увольнять, так как студентке сложно найти работу с гибким графиком. И в последний раз уделить внимание тоже попросила. Последний так последний – почему бы нет? Ключи в кармане, а Катя допоздна на какой-то презентации.

Назавтра Проскурин появился на работе лишь к обеду. Декабрь на носу, пора переобувать машины. Поэтому с утра он поехал к родителям в Смолевичи, забрал зимнюю резину, как порядочный муж отогнал на шиномонтаж сначала машину жены, затем свою.

Первое, что прямо с порога магазина бросилось ему в глаза, – Анастасия Сергеевна, мило ворковавшая с клиентом, в то время как должна была находиться на занятиях. Необычайно откровенный вырез на блузке, очередная то ли мини-юбка, то ли макси-пояс... И ноль внимания на шефа!!! Только «здрасьте!» Никакой печали на лице, никакой скорби в глазах! Зато сколько желания подостлаться под этого типа, небрежно вертящего на пальце ключи от «мерседеса»!

Впервые в жизни Виталик мгновенно возненавидел потенциального покупателя! Однако, ничем не выдав своих эмоций, он сухо поздоровался и через торговый зал последовал в офис. Но не выдержал и через пятнадцать минут снова заглянул в торговый зал, где Кошкина уже вовсю кокетничала с другим потенциальным покупателем. Вальяжный, с иголочки одетый тип не мог отвести глаз от соблазнительного выреза на груди и от того, что вот-вот могло выглянуть из-под юбки. Настя же, словно специально, то грациозно изгибалась, то наклонялась, демонстрируя мужчине замысловатый узор напольной плитки на стенде, а заодно и все свои прелести.

И так до конца рабочего дня! Взбешенный Проскурин не мог не то что связно мыслить, а и слова произнести, не сорвавшись на крик. Так и не поняв, что за муха его укусила, работники быстренько разбежались по домам. Все, кроме Анастасии Сергеевны, любезно предложившей закрыть магазин и сдать на сигнализацию. Мол, сегодня она никуда не спешит. Вот тут уж Виталик не выдержал, выскочил из кабинета и выдал ей все, что накопело за день!

Но как же все-таки трогают мужиков льющие рекой женские слезы! Будто по живому режут!

Это сейчас он понимает, что, скорее всего, и потенциальные покупатели, и поведение девушки – все было заранее спланировано, продумано до мелочей. А тогда... Крик сменился растерянным «прости», извинения плавно перешли в поцелуи, поцелуи – в страстные объятия. Короче, прямо в кабинете, казалось бы, завершившийся роман возобновил свою жизнедеятельность и благополучно просуществовал еще ровно одиннадцать месяцев...

3

Десять дней, проведенные Катей в Москве, были наполнены невероятным количеством знакомств, передвижений и действий – это такое бесконечное движение. Несмотря на то что практически не оставалось времени для сна, она совершенно не ощущала усталости. Скорее, наоборот: впервые за последние два месяца чувствовала себя отдохнувшей.

Генка... Верный, терпеливый, всегда готовый прийти на помощь – поддержать, утешить, рассмешить, обогреть, уложить спать, даже спеть колыбельную! Эх, если бы можно было повернуть время вспять, пройти мимо той проклятой лаборантской, возможно, все сложилось бы иначе. Любила бы она Гену, а не Виталика, вышла бы за него замуж, и он сделал бы ее самой счастливой женщиной на свете.

Вот только снова это вездесущее «бы»...

Вессенберг был ее первой любовью...

Все развивалось по известному студенческому сценарию: первый курс, первый колхоз, первая совместная вечеринка вдали от глаз сопровождавшего группу сотрудника университета. Староста группы Катя Евсеева делала все, пусть и не вписывающееся в рамки советских правил, лишь бы сплотить вверенный ей коллектив. Да и группа подобралась еще та: сплошь остряки да балагуры. Ночные посиделки, песни под гитару, бесконечные праздники – как настоящие, так и придуманные. И самое любопытное: весь первый семестр она и не подозревала, что один из весельчаков и прогульщиков – долговязый, белобрысый студент Генрих Вессенберг – и спокойный пухленький мальчик Гена из далеких детских воспоминаний – один и тот же человек.

Выяснилось все случайно: после консультации перед первым экзаменом небольшой компанией они заглянули в кафетерий, и вдруг ее внимание привлекли завораживающие движения рук Вессенберга, затем в разговоре он упомянул Темиртау. Она в очередной раз задержала взгляд на его руках, в голове что-то переключилось...

Спустя полчаса, совершенно забыв о завтрашнем экзамене и вредной старухе – хозяйке съемной квартиры, где жила Катя, они восторженно обменивались обрывками детских воспоминаний, долго гуляли по вечернему городу. Романтические ежевечерние свидания и прогулки продолжались всю сессию: оба летали как на крыльях, готовились вместе к экзаменам, переживали, волновались друг за друга. К концу января Катя поняла, что влюбилась. Впервые в жизни, по-настоящему.

Гену, казалось, захватили те же чувства: все свободное время он проводил с Катей, сидел рядом на лекциях, приглашал в кино, провожал до дома, и потом они еще долго шептались на лестничной площадке, так как хозяйка категорически запрещала приводить гостей.

Неожиданно открылось, что под маской авантюрного, а порой и циничного остряка и балагура прячется романтичный, тонкий, ранимый человек. Любит поэзию, верит в настоящее чувство, мечтает о странствиях и дальних странах. Потому и пошел в журналистику: поездки, командировки, новые места. Наверное, ему передались гены прадеда-путешественника, благодаря которому в свое время семья и оказалась в царской России.

А Катя мечтала стать писательницей. Но для этого, как она считала, следовало поднабраться жизненного опыта, собрать материал. Притом лучше всего начинать творческий путь с журналистики: столько интересных знакомств, столько историй, столько судеб! Вот за такими разговорами в основном и проводили они время, хотя общественность по праву считала, что у них роман. В душе верила в это и Катя: трепетала от каждого случайного прикосновения, ждала поцелуев, признаний в любви, которых почему-то все не было.

Лето после первого курса Вессенберг провел в Германии у родственников, которым удалось попасть на историческую родину одними из первых. Оттуда он вернулся каким-то другим – вроде чем-то озабоченным, загадочным, периодически куда-то исчезал. Хотя по отношению к Евсеевой оставался прежним – чутким, внимательным, встречал, провожал, приглашал в кино, засиживался у нее в гостях, теперь уже в общежитии. Соскучившись за два долгих летних месяца, однажды Катя едва не открылась ему в своих чувствах, но в самый последний момент насторожил взгляд, который он украдкой бросил на часы.

А дальше... Все вышло случайно. В один прекрасный день преподаватель отправил ее как старосту группы за пособием по предмету, забытым им на рабочем столе. Пулей пролетев по коридорам, Катя на обратном пути неожиданно зацепилась взглядом за лежавшую на полу яркую шариковую ручку и остановилась как вкопанная: точь-в-точь такую ей привез из Германии Гена. Подняв ручку, она с недоумением повертела ее в руках, осмотрелась по сторонам, на всякий случай тихонько приоткрыла ближайшую неприметную дверь и...

То, что она увидела, ввело в ступор: в сумраке лаборантской, прямо за стеллажом с наглядными пособиями по грамматике немецкого языка, целовались мужчина и женщина. Вернее, не просто целовались, что было понятно по ритмично качавшимся плакатам и длинным темным волосам женщины с запрокинутой головой. Пара занималась сексом... Страстным... То, что это происходило прямо в стенах учебного заведения, в помещении, куда в любую минуту мог кто-то заглянуть, по-видимому, только добавляло им страсти.

Конечно, будучи девушкой воспитанной, в любом другом случае Катя тут же закрыла бы дверь и, осудив про себя данное действие, спокойно отправилась в аудиторию. Но здесь она не могла сдвинуться с места: мужчина показался похожим на... Это был Генка! Ее любимый Генка, Генрих Вессенберг по паспорту!

Стукнулась об пол выроненная ручка. Стойка замерла, плакаты слегка раздвинулись, показались знакомые глаза – расширенные то ли от испуга, то ли от раздражения из-за того, что кто-то помешал любовной утехе.

В чем была, Катя выскочила на улицу. Плача в три ручья, не замечая морозящего дождя и холода, она добежала до сквера у стадиона «Динамо», присела на мокрый краешек укрытой от любопытных глаз скамейки и взвыла от горя. Хотелось умереть... Тут же... Заболеть и умереть, потому что жить дальше незачем, потому что ее предали и любовь ее предали.

Сколько она так просидела на дожде и пронизывающем ветре, сказать сложно. Сидела, пока можно было как-то терпеть холод, пока зубы и подбородок не стали выбивать безудержную чечетку, болью отдававшуюся в мозг и во всем теле.

В тот же вечер в комнату постучался Гена и попросил Катю выйти в коридор. Вздероганный, возбужденный, виноватый. И хоть так и распирало выставить его за дверь, желание узнать, что же он скажет в свое оправдание, победило. То, что услышала, добило окончательно. Гена признался, что это была преподавательница немецкого языка, которая старше его на девять лет, и встречается он с ней еще с Германии. Случайно столкнулись летом в немецком городишке, где он гостил у родственников, а молодая женщина привезла группу детей на оздоровление. Кроме секса, их ничего не связывает, потому что он давно любит Катю. Вот только никак не решался ей в этом признаться: не хотел связывать себя и ее обещаниями, поскольку в скором времени семья Вессенбергов собиралась покинуть Беларусь.

И хорошо, что все открылось, так как его давно тяготили и эта связь, и чувство вины перед Катей. Больше всего на свете он боится потерять ее и буквально час назад расстался с бывшей пассией. Более того, ради Кати он готов остаться здесь и никуда не уезжать.

«Надеюсь, ты меня простишь?» – с мольбой заглянул он ей в глаза после длинного монолога.

«Уезжай... – твердо ответила Катя и добавила: – Ты уже убил любовь».

Той же ночью у нее резко поднялась температура, на теле появилась непонятная сыпь, началась одышка. К утру перепуганные соседки по комнате вызвали «скорую», которая отвезла Катю в больницу с малообнадеживающим предварительным диагнозом: «острая вирусная инфекция; менингит». Лишь через несколько дней выяснилось, что это двусторонняя пневмония, которая на фоне сильнейшего нервного стресса дала нетипичную картину.

А ведь поначалу ее поместили в инфекционную больницу, в закрытый бокс, куда никого не пропускали, кроме медперсонала. Она долго находилась в полубессознательном состоянии, в котором, точно заевшая пластинка, крутился один тридцатисекундный ролик: ритмично двигавшаяся стойка с плакатами, Генкины очумелые глаза, женщина с длинными темными волосами... Она и не догадывалась, что, пока лежала в инфекционке, Вессенберг дни и ночи проводил под ее окнами на территории больницы.

После того как установили диагноз, отец перевел дочь в окружной госпиталь, где первую неделю она практически ни с кем не общалась. От одного воспоминания о Генке становилось нестерпимо больно: как он мог ее предать? Переживала Катя и по другой при-

чине: она совсем забыла о родителях! Год назад одна за другой умерли ее бабушки... Если бы она последовала за родными, что стало бы с папой и мамой? Надо выкарабкиваться, найти силы и побороть болезнь, которую заработала по собственной глупости.

И тут соседке по палате передали книгу «Основы аутотренинга». Катя попросила почитать и сделала вывод: надо учиться владеть собой в стрессовых ситуациях. Для начала она решила ограничить к себе доступ посетителей и попросила лечащего врача никого, кроме родителей, к ней не пропускать. Особенно молодого человека по фамилии Вессенберг.

Доктор, подозревавшая, что здесь не в одной простуде дело, а истинным виновником кризиса является данный молодой человек, пожелание больной выполнила. Однокурсникам же Катя послала записку и попросила не беспокоиться, а только привезти учебники и книги по самосовершенствованию.

«Хорошо, хоть никто не усмотрел в моих действиях попытку суицида, – изучив от корки до корки всю переданную литературу, пришла она однажды к выводу. – И больше это не повторится. Я должна быть сильной, – не уставала она твердить по тридцать раз за день. – Отсекать и блокировать в памяти все неприятные моменты. И жить дальше».

К выписке Катя была уверена, что окончательно распрощалась с прошлым и готова начать жизнь сначала. А пока необходимо наверстать пропущенные занятия и срочно найти работу. Любую.

Но в эти планы едва не вмешались родители. Забирал дочь из больницы отец – отпросился со службы, взял машину и без лишних разговоров повез домой. Они с матерью уже решили, что после такой тяжелой болезни их чаду надо как следует восстановиться, и для этого придется брать академический отпуск. Однако чадо было категорически против, и через день отцу снова пришлось договариваться насчет машины: дочь возвращалась в университет.

Катя с головой погрузилась в учебу, вышла без «хвостов» на зимнюю сессию и успешно ее сдала. Той же зимой устроилась курьером в одну из газет, затем в отдел по работе с письмами. Думать о пережитой душевной драме было некогда – хватило бы сил до кровати поползти. Да и с Генкой, кроме как на занятиях, которые он все чаще пропускал, они почти не виделись. Лишь ловила иногда на себе его печальный взгляд.

А к концу летней сессии на курсе прошел слух, что Вессенберг с семьей уезжает на историческую родину в Германию...

На прощальную вечеринку по случаю его отъезда Катя не пошла. Сдав последний экзамен, она рассчиталась с библиотекой, общежитием и, совершив над собой невероятное усилие, в тот же день уехала домой. Отец, пользуясь знакомствами, устроил ее на практику в районную газету.

Спустя неделю на их домашний адрес пришло письмо. Справившись с первым желанием разорвать его на клочки, Катя распечатала конверт. В свойственной ему шутиливой манере Гена сетовал на то, что она проигнорировала прощальное мероприятие, а далее следовало... Повторное признание в любви. Искреннее, отрывистое, по-журналистски четкое, в самое нутро... Сожалеет, что не признался в своих чувствах на первом курсе, что вовремя себя не остановил. Время показало, что Катя его не простила. Поделом. Но он будет помнить о ней всю жизнь... Далее письмо резко обрывалось, без всяких «до свидания» и РБ. Словно человек испугался хода собственных мыслей или же из суеверия решил не писать никаких прощальных слов.

Девять лет от Генки не было ни слуху ни духу. И если поначалу Катя, несмотря на свое решение, никак не могла его забыть, даже слезы порой наворачивались, постепенно время сделало свое дело, и она стала вспоминать о нем все реже. Притом без прежней душевной боли, так как рана затянулась, а после знакомства с Виталиком и вовсе зажила.

С осени четвертого курса она стала подрабатывать в еще одной газете, куда в конце лета Проскурин пришел дать объявление о продаже стройматериалов. Пока заполнял бланк, она завороченно следила за его руками... Разговорились. Студент, как и она, полный сил, идей, амбиций. При этом человек взрослый (старше на три года), серьезный, самостоятельный, поступал в институт после стройбата, совмещал учебу и работу, организовал свое дело. Стали встречаться. Получив диплом, Катя устроилась в недавно появившуюся газету «Вчера. Сегодня. Завтра». В том же году молодые люди поженились, а вскоре купили квартиру, и Виталик открыл свой магазин по продаже стройматериалов.

Словом, все шло своим чередом. Но однажды в квартире Проскуриных раздался поздний звонок и подзабытый голос из прошлого как ни в чем не бывало произнес: «Привет, как живешь? Я в Минске. Соскучился, хотелось бы увидеться».

Катя тут же согласилась: благо Виталик был в командировке и объяснять встречу со старым другом нужды не было. Минут через двадцать она подкатила на такси к шумному пивному ресторану и, заметив на крыльце ожидавшего ее Генку, оторопела: возмужал, заматерел, подкачал мышцы, а появившийся над левой бровью внушительный шрам придавал ему мужественности, таинственного шарма. Этаким герой, мечта всех женщин. В душе шевельнулось давно забытое чувство, но...

Ничего уже не могло случиться: Катя замужем, любит своего мужа, у них крепкая семья. Да и Вессенберг, казалось, не испытывал ничего, кроме радости, естественной при встрече старых приятелей. После дружеских объятий ему весь вечер пришлось удовлетворять Катино любопытство: где, как, почему?

Как оказалось, учебу в Германии ему надо было начинать с нуля, а потому он сразу решил сменить специальность и поступил на географический факультет Берлинского университета. Конечно же не для того, чтобы потом преподавать детям географию. Он и с журнальчиком не собирался расставаться, ходил на факультативы, брал дополнительные занятия, посещал семинары, ездил в экспедиции, автостопом колесил по Европе и активно предлагал свои материалы в различные издания. Словом, как мог приближал заветную мечту.

Заметили его далеко не сразу – сначала брали в печать лишь мелкие очерки, не более. И только на четвертый год плотной «осады» стало что-то складываться, да и то после того, как познакомился с французом Жастином Кложе. Жастин был старше почти на десять лет, уже имел имя и репутацию «повернутого» фотографа-экстремала. Он-то и предложил начинающему журналисту сотрудничество. И протекцию составил, и опытом поделился. Это было невероятно: первая же их авантурная экспедиция в Зимбабве, на которую Генрих одолжил денег у отца, принесла желанный результат! Цикл статей Вессенберга и сопровождавшие материал фотографии Кложе купил всемирно известный географический журнал. Более того, с ними подписали контракт и тут же отправили в Перу! Надо сказать, немалую роль в этом сыграли Генкин авантюризм, коммуникабельность и неожиданно открывшаяся способность к иностранным языкам. К моменту встречи с Катей он практически свободно изъяснялся на всех основных европейских языках и с удовольствием изучал новые. Впитывал их как губка!

Слушая воодушевленный, изобилующий жестикомией рассказ друга, Катя искренне за него радовалась. Молодец, не побоялся начать все сначала и в результате достиг цели! А ведь сколько таких, как он, перебрались на историческую родину, но так себя и не нашли... Друг оказался с характером, состоялся как личность, и ему есть чем гордиться. А что она? Кроме того, что вышла замуж, чем может похвастаться? Тем, что стала журналисткой, начальником отдела в популярной газете? Да с изданиями, которые печатали Вессенберга, ее газета и рядом не стояла! Мысли о книге давно пришлось задвинуть в дальний угол, потому что засосала рутина, писанина, от которой по вечерам хотелось спрятаться подальше и даже не включать компьютер! Куча незавершенных проектов, недописанных статей, неосу-

ществленных планов, главный из которых на сегодняшний день – даже не книга, а мечта о ребенке.

В тот приезд Генка задержался в Минске на неделю: хотел не только побывать в родных местах, но и сделать очерк о земле, где прошли юношеские годы. Практически все время Катя провела вместе с ним. Даже отгулы на работе выпросила, чтобы повозить его и прилетевшего на пару дней Жастина по белорусским замкам! Удивительно, но то ли Генкино имя сработало, то ли название печатающих его журналов, но стоило Кате заикнуться о нем Жоржсанд и добавить, что когда-то вместе учились, как начальница решила: Проскурина берет отгул, а взамен даст в один из номеров статью о земляке, журналисте и путешественнике.

И все было бы хорошо, если бы не вернувшийся из командировки Виталик, у которого неожиданно случился приступ самой настоящей ревности. Что еще за друг? Какое ему дело до его жены? Какая может быть дружба между мужчиной и женщиной? Катя тогда с ним едва не поссорилась, искренне недоумевая: как можно так негативно воспринимать человека, с которым ты даже не знаком? Хорошо хоть раньше не проболталась, что была когда-то безумно влюблена в Генку и чуть не рассталась из-за него с жизнью.

Наутро, слегка успокоившись и вняв доводам жены, что ей как журналистке есть чему поучиться у Вессенберга, он дал согласие на совместные поездки супруги с этим выскочкой из числа переселенных немцев, но в одном остался непреклонен: знакомиться и приглашать в свою квартиру этого человека он не желает! Чтобы не нагнетать обстановку, Кате пришлось согласиться. А ведь как ей хотелось, чтобы Виталий с Генрихом подружились!

Именно после первого приезда на родину между Генрихом и Катей зародились новые отношения. Теперь он был не только собратом по перу, а стал, можно сказать, душевной подружкой. Так что, если Вессенберг не уезжал в долгие и дальние командировки, они общались практически ежедневно: интернет – великое дело! И не было у нее более близкого человека, чем старый друг, с которым можно поделиться всеми печалями, переживаниями, радостями, посоветоваться и быть уверенной, что ни одна живая душа больше не посвящена в ее секреты.

Даже о неудачной попытке ЭКО она сообщила Генриху раньше Виталика. Так уж получилось, что муж срочно уехал по делам, телефон его был недоступен, а Кате так хотелось выплакаться, поделиться с кем-то своим горем. Благо ноутбук всегда под рукой, даже в больнице...

И вот история повторилась: после долгого отсутствия – почти двухмесячной научной экспедиции в Гималаях – Генрих и Жастин сдали материал в редакцию, взяли отпуск и отправились к друзьям, которых по всему свету у них развелось немало. На сей раз в Москву. Оттуда Вессенберг и позвонил Кате. Словно почувствовал, что ей нужна помощь.

«Подружка-подушка» Генка старался не только утешить, но и с помощью друзей напрочь отключить от всех переживаний. Друзья оказались еще те: объездившие весь мир интеллектуалы, к тому же большие шутники и балагуры. Было все – и долгие гуляния по городу с историческими экскурсами, и музеи, и увеселительные заведения, и научные споры, и песни под гитару, и ночные посиделки на кухне довольно скромной двухкомнатной квартиры, которую организовали для приезжих москвичи. Как в старые добрые времена...

Кстати, Генрих уступил Кате свою комнату, перебрался к Жастину и спал на полу, на надувном матрасе. При этом, чтобы избавить ее от чувства неловкости, в шутку уверял: да в сравнении с тонким ковриком в горах этот матрас сродни пуховой перине!

Правда, было еще одно существенное неудобство. Из-за Жастина и его друга голландца, прилетевшего чуть позже, в компании много общались на английском. Все, кроме Кати. Понимать-то с горем пополам она понимала, а вот говорить побаивалась: вдруг что-

нибудь не так ляпнет? В английском она никогда не была сильна: то ли с учителями не везло, то ли способностей не хватало, то ли усердия. Раза три записывалась на курсы, да все никак не выходило с посещением. Так и бросала, не проучившись и семестра, а теперь вот об этом сожалела.

Однако вскоре приспособилась: Генка стал ей нашептывать на ухо синхронный перевод или же она тихонько уточняла у него то или иное слово. А затем и вовсе перестала переспрашивать: с каждым часом незнакомая речь становилась все понятней. Вот тогда и решила твердо: по возвращении домой сразу пойдет на курсы английского и поставит это дело во главу угла. Хватит выслушивать насмешки, что «читает со словарем». От того же Ладышева, к примеру.

Стоило только Кате вспомнить о Вадиме, как настроение моментально менялось. Ну почему он с ней так поступил и как же глубоко успел проникнуть ей в душу... Грусть от связанных с ним воспоминаний могла нахлынуть когда угодно, в любую минуту: и утром, когда просыпалась одна, и вечером в компании, когда вместе со всеми веселилась. Особенно донимала перед сном. Незаметно протискивалась, тихонько касалась одной ей известных струн, издававших настолько печальные звуки, что на глаза тут же наворачивались слезы, а настроение минувшего дня моментально меркло и сдавало без боя все завоеванные позиции. Оставалась одна ностальгическая мелодия, под которую, всхлипнув в последний раз, Катя и засыпала...

В остальном же все было более чем хорошо, и десять дней в белокаменной пролетели как одно мгновение – интересно, насыщенно, беззаботно. Но все рано или поздно заканчивается – в четверг утром Жастин улетал к родителям во Францию, а вечером Катя с Генрихом уезжали поездом в Минск: Вессенберг решил навестить школьного друга в Жлобине, у которого недавно родилась двойня. Проводив Кложе в Шереметьево, они решили сразу не возвращаться в гостеприимно приютившую их квартиру в Марьино, а прогуляться напоследок по Москве. Да и погода благоприятствовала: с утра было солнечно, что в такое время года большая редкость. Ну как тут не побродить вдвоем? Тем более, что за эти дни им так и не удалось поговорить по душам – вокруг постоянно были люди.

Лишь теперь Катя смогла поведать Вессенбергу все подробности последнего периода семейной жизни. И о том, как случайно встретила в аэропорту мужа с молодой любовницей, и как развивались дальнейшие события. Рассказала также об аварии и о предложении перейти на другую работу. Правда, о Ладышеве она не произнесла ни слова. Разве что изредка в ее рассказе фигурировал некто «знакомый».

Порядком продрогшие под холодными лучами зимнего солнца, озябшие на ветру, они решили заглянуть в первый попавшийся по пути ресторан в центре столицы.

– Гена, мы не туда зашли, – еще в холле шепотом оценила Катя уровень заведения. – Не впишемся в интерьер.

Что правда, то правда: оба они были в удобной для ходьбы, но совершенно немодной обуви, в потертых джинсах, скромных утепленных куртках. Гости же, судя по плечикам в гардеробе, одевались исключительно в дорогих бутиках.

– Глупости, – помогая ей раздеться, отмел сомнения Генрих. – Все это условности. Москва просто погрязла в условностях!

Окинув с ног до головы неформатных посетителей, стоявшая на входе администратор недвусмысленно ухмыльнулась и провела их в самый дальний угол полупустого зала.

– Извините, но мы хотели бы пересесть за тот столик, – показал рукой Вессенберг в направлении окна.

– Это невозможно, – высокомерно, но вежливо ответил подошедший официант и протянул меню. – Это частное элитное заведение, где столики бронируются на годы вперед.

– Ни фиги себе! – прокомментировала Катя, просмотрев цены. – Ген, пошли отсюда, а? – негромко предложила она. – Да мне эта рыбка за сто долларов в рот не полезет.

– Нет уж! Раз зашли – останемся здесь! Назло! – категорично заявил Генрих.

– Назло бюджету, что ли?

– Неважно. Но кое-каким правилам хорошего тона это «элитное» заведение следует поучить, – заговорщицки улыбнулся он и жестом подозвал официанта. – Молодой человек, будьте так добры, принесите моей даме другое меню, – показал он взглядом на большую кожаную папку в руках у Кати. – Это моветон. Уважающее себя солидное заведение никогда не подаст женщине, пришедшей с мужчиной, меню с ценами. Странно, что вам до сих пор этого не объяснили.

Слегка покраснев, официант забрал у Кати меню, буркнул какие-то извинения, подошел к администратору и что-то зашептал на ухо, взглядом указывая на парочку в углу. Недовольно пожав плечами, та надменно повернулась спиной к залу.

– Н-да, – усмехнулся Генрих. – Как был совок, так им и остался. И чем «элитней» заведение, тем махровей совок. Ладно, ну их! Давай вернемся к разговору о твоей семейной жизни, – прикрыл Генрих ладонью руку Кати. – Не расстраивайся. Грешно, наверное, в том сознаваться, но я рад, что все так вышло.

– И чему же ты рад? Тому, что я стою перед выбором: начинать жизнь сначала или вернуться в старую, в которой никогда уже не будет так, как прежде?

– А что для тебя значит «так, как прежде»? Вот откровенно, как на духу, попробуй перечислить все, с чем тебе жаль расставаться. Кроме материальных благ, конечно.

– Наверное, тоскую по стабильности, по уюту, по своей квартире, – после долгой паузы медленно начала она. – Хотя ты прав, это из разряда материального. Того, чем была наполнена та квартира, больше нет. Все в прошлом. Так что даже не знаю, как тебе ответить.

– А я сам отвечу. Я ведь тоже немало в жизни повидал, и знаешь, к какому выводу пришел? Всего в жизни можно достичь, многое можно купить. Кроме трех важных вещей: здоровья, любви и удачи. Это и есть формула счастья, вот только ее составляющие не продаются и не покупаются. Не спорю, когда-то вас с Виталиком связывала любовь, вы были молоды, здоровы, и удача вроде сопутствовала. Нашли друг друга, у тебя складывалась карьера, у мужа бизнес. Правда, немного однобокое счастье выходило – с детьми не получалось. То есть, первым подвело здоровье.

– Ну, здоровье-то здесь ни при чем, – попробовала вмешаться в его рассуждения Катя.

– А ты не спорь, – мягко остановил ее Генрих. – Выслушай до конца. Так вот, следуя формуле, первым подвело здоровье, и на каком-то этапе развитие семейных отношений зависло, остановилось. Одновременно с этим профессиональная удача мутировала, переродилась из доброкачественной в злокачественную и стала разводить вас по разные стороны. Защитный слой любви, поначалу закрывавший ваше счастье от всех невзгод, точно озоновый слой Земли, растягивался, пытаясь покрыть разделявшее вас пространство, и постепенно истончался. Пока совсем не сошел на нет, стал невидимым. Вы даже не заметили, когда он совсем исчез. Разве не так?

– погоди, дай сосредоточиться, – приложила руку к виску Катя. – Ты настолько образно и быстро мыслишь, что я за тобой не поспеваю.

– А ты попытайся представить: вот ваша семья, Земля то есть, цветущая, благоухающая, – Генрих подтянул к себе вазочку со скромным живым букетиком. – Вот ваш озоновый слой, – обвел он ее руками. – Вот он исчезает, – он убрал руки. – Внешне вроде ничего не изменилось, но вредоносное ультрафиолетовое излучение постепенно, день за днем, делает свое черное дело. Скажем, вот так, – принялся он увлеченно заламывать головки мелких цветков в букете. – Еще чуть-чуть – они завянут, скукожатся, высохнут. Потом нагрянут ураганы, песчаные бури, смерчи, – с этими словами Генка выдернул букетик из вазы,

вылил из нее в пустой фужер воду и поставил на стол кверху дном. – Все, ничего не осталось! Достаточно легкого порыва ветра и – бац! – рассыплется в прах! – щелкнул он ногтем по керамике.

Ваза тут же завалилась на бок, при этом толкнула соседний пустой бокал, который с грохотом шмякнулся на пол и разлетелся вдребезги.

– Молодые люди, вы что тут хулиганите? – грозно разнеслось по залу.

Генрих с Катей удивленно обернулись: на всех парах к ним летел официант в сопровождении администратора. Люди за соседним столиком замерли, перестали есть и с нескрываемым любопытством уставились сначала на странную парочку, затем на работников заведения, а также на двух дюжих охранников, довольно шумно торопившихся к ним на помощь.

– Извините, извините нас, пожалуйста, – густо покраснела Катя.

– Простите, увлекся, – виновато развел руками Генрих, быстро перевернул вазу, перелил из фужера воду и всунул порядком потрепанный букетик цветов. – Я все оплачу, не волнуйтесь, – глянув на мелкие кусочки на полу, потянулся он за портмоне.

– Конечно, оплатите! И за букет заплатите, и за фужер. Не простой, между прочим, а изготовленный по спецзаказу! Еще и милицию вызовем! – мстительно заявила пышногрудая дама в униформе.

– Заодно прессу и сотрудников немецкого консульства пригласите, – подсказал Генрих. – Впрочем, прессу не стоит, она уже присутствует. Вот, пожалуйста, – вытащил он из другого кармана немецкий паспорт и удостоверение сотрудника престижного европейского журнала.

– Да видели мы эти книжечки в переходе, там и не такое продают, – угрюмо пробурчал один из охранников, положив на плечо Генриха огромный кулачище. – Куда их теперь? За дверь? – спросил он у администраторши.

Та нерешительно перевела взгляд с паспорта на его обладателя.

– Что здесь происходит? – негромко раздалось за спинами.

Одного голоса было достаточно, чтобы и охранники, и дама в униформе вытянулись по стойке смирно.

– Вот, Евгений Борисович, шумят, посуду бьют, – пожаловалась администратор и показала глазами на паспорт на столе. – Не знаем, что делать.

– Бокал разбился случайно, но я готов возместить ущерб, – поняв, кто здесь главный, обратился к неожиданно появившемуся мужчине Генрих. – Заодно и написать об уровне обслуживания в вашем «элитном» ресторане. Двадцать минут сидим, а никто даже не подумал принять заказ. Я заберу, вы не будете возражать? – потянулся он к рекламному буклету на краю стола. – Чтобы название не забыть. Европейской аудитории будет весьма полезно почитать, – недвусмысленно добавил он.

Одетый с иголки мужчина изучающе посмотрел на посетителя, затем на лежащий на столе паспорт, задержал взгляд на пластиковом удостоверении с фотографией, с минуту помолчал и вдруг расплылся в учливой улыбке.

– Простите. Это досадное недоразумение. Мы всегда рады гостям столицы и уж тем более дружим с прессой. Никакого ущерба не было и нет, – произнес он и тут же красноречиво зыркнул в сторону притихшего персонала. – Чего застыли как истуканы? Марш на вход! – зашипел он сквозь зубы.

Дюжих охранников и администраторшу с официантом точно ветром сдуло.

– Извините, но в Москве такая проблема с кадрами. Сплошь лимита и приезжие: пока их обучишь, – посетовал он. – Я готов загладить вину и компенсировать возникшие неудобства за счет заведения. Евгений Борисович Лавров, директор. Вот моя визитка. Если вы не против, я приглашаю вас отобедать в кабинет для VIP-персон...

Хмыкнув, Генрих посмотрел на Катю, как бы спрашивая ее. Та едва заметно отрицательно качнула головой.

– Нет, вы знаете, у нас уже не получится, – демонстративно посмотрел на часы Вессенберг. – Не вписываемся в график. Увы, пока дожидались вашего официанта, лимит времени вышел, – вздохнул он и убедительно соврал: – Торопимся на пресс-конференцию в мэрию. Но в любом случае спасибо за приглашение. Пойдемте, Екатерина Александровна. Нас наверняка уже ждет машина, – добавил он для пущей важности.

– Может быть, вечером заглянете? – еще раз попробовал исправить ситуацию директор. – Я зарезервирую вам столик.

– Вечером мы приглашены на прием в посольство, увы, – развел руками Генрих. – Но, возможно, воспользуемся вашим приглашением в следующий приезд. Если, конечно, нас снова не встретят по одежке, – усмехнулся он. – Объясните своему персоналу, что форма одежды у людей нашей профессии может быть разной: губернатор тоже не в деловом костюме утром с нами область объезжал.

– Да-да... Конечно, мы это учтем, – впечатлившись, забормотал директор.

Пройдя с посетителями до гардероба, он лично помог даме одеться, проводил до дверей, которые одну за другой тут же услужливо распахнул охранник, десять минут назад предлагавший вышвырнуть их за дверь.

Посмеиваясь в душе над такими переменами, Катя отступила в сторону, чтобы дать дорогу входившим в этот момент в ресторан людям, подняла голову и застыла. Пропустив перед собой красивую, ухоженную даму в мехах, в дверях появился... Вадим Ладышев. Растерявшись не меньше Кати, он машинально шагнул назад за порог, дав ей возможность выйти. Но она не могла сдвинуться с места. Немая сцена продолжалась несколько секунд.

– Проходи, Катюнь, – легонько подтолкнул ее в спину Генрих.

Спустившись со ступенек, она оглянулась. Поймав ее взгляд, недоуменно смотревший вслед Ладышев быстро скрылся за дверью.

– Ты чего? Жалко было уходить? Теперь в этом заведении как минимум трех человек лишат премии, – взял ее под руку развеселившийся Генрих. – Ладно, пойдем, поищем что-нибудь подемократичней.

Буквально в квартале от ресторана они завернули в пиццерию, где их сразу посадили за приглянувшийся столик у окна, быстро приняли и довольно быстро приготовили заказ.

– Ты чего снова такая смурная? – спросил Генка, расправляясь с блюдом. – Расстроилась, что рыбку не попробовала? А пицца здесь очень даже ничего! Не хуже, чем в Италии. Ты чего не ешь?

– Аппетита нет, – оторвавшись от созерцания снующих за стеклом прохожих, ответила Катя и нехотя придвинула к себе заказанный вегетарианский салат.

– Еще бы! Одной травой питаться! А давай выпьем? Сухое белое, как ты любишь. Эй, официант! – поднял он руку.

– Здесь, наверное, только итальянское, – негромко заметила Катя, но этого оказалось достаточно, чтобы мигом подскочивший к посетителям молодой человек оценил ситуацию.

– Чили, Аргентина, Австралия, Новая Зеландия, Калифорния, – скороговоркой принялся перечислять он. – Франция, естественно. Все, что дама пожелает! – и добродушно улыбнулся.

– Ну хорошо, уговорили, – сдалась Катя.

– Чаевые причитаются, – заговорщицки подмигнул парнишке Генрих. – Студент? Как зовут?

– Студент. Михаил, – молодой человек указал взглядом на бэйджик и снова расплылся в улыбке. – Только заступил. Я на второй смене работаю, на первой учусь.

– Молодец! Уважаю! – похвалил Вессенберг, внимательно изучая винную карту. – Нашел! Вот это, пожалуйста. Шардоне, Франция.

– Будет сделано! – кивнул улыбчивый официант и спустя несколько минут появился с бутылкой. – Вот, пожалуйста!

– Шустрый малый, – оценил Генрих и, рассмотрев бутылку, кивнул. – То, что надо!

Мастерски откупорив бутылку, Михаил налил немного вина в бокал и растерянно замер, решая, кому подать на пробу.

– Нет-нет, – поняла его нерешительность Катя и кивнула в сторону своего спутника. – Это у него французы в друзьях, пусть и пробует.

– Достойно, – сделав глоток, оценил Генрих. – Не прошло и получаса, как нас уже накормили и вот-вот напоят. У вас здесь что, за скорость доплачивают? – шутливо поинтересовался он у парнишки, ловко разливавшего вино по бокалам. – И глазомер при приеме на работу проверяют?

В обоих бокалах было налито настолько поровну, что хоть линейку прикладывай!

– Нет, – снова широко улыбнулся официант. – Я здесь почти год работаю, натренировался. А скорость – это да, гоняют. Хотя и сами понимаем: чем быстрее обслуживаешь, чем выше посещаемость, тем больше чаевых, – поделился он. – Приятного аппетита!

– Вот он, совершенно другой, демократический подход и уровень! – поднял вверх указательный палец Генрих. – Ну что, подружка, выпьем?

– Выпьем – где же кружка, – вздохнула Катя.

– За тебя и за твою новую жизнь!

Сделав несколько маленьких глотков, она отодвинула бокал и снова рассеянно уставилась в окно.

– Катя, что с тобой? Едва мне удалось тебя чуть-чуть развеселить, как опять уныние. Так нельзя, – мягко дотронулся Генрих до ее руки. – Так и до депрессии недалеко. Объясни, что могло случиться полчаса назад? Отчего такая резкая смена настроения? Скажи, иначе не отстану.

– Да так. Показалось, что знакомого встретила. Когда выходили из ресторана.

– Показалось или встретила? Что за тип? Я его знаю? Сейчас же вернемся, я хочу взглянуть на того, кто посмел испортить тебе настроение! – воинствующе заявил он.

– Успокойся, показалось, – поспешила заверить Катя.

Перспектива снова увидеть Ладышева на пару с очаровательной дамой в мехах совсем не радовала. Как и возвращение в заведение, где их так негостеприимно приняли.

– Я уже начинаю волноваться, что с тобой будет, когда я уеду. А давай я заберу тебя с собой в Германию?

– Каким образом? – хмыкнула Катя. – И что я там буду делать?

– Ничего. Будешь жить, учить немецкий, писать свою книгу, наконец.

– И в каком статусе? Политического убежища просить? Так ведь не дадут, веских оснований нет.

– Убежища, но не политического... – Генрих умолк на мгновение. – К примеру, выйдешь за меня замуж и без проблем получишь вид на жительство.

– Как это замуж? – не сразу поняла Катя. – Ген, ты что? Я еще развестись не успела.

– Ну, развод и оформление новых бумаг, конечно, займет некоторое время, – согласился он. – А в остальном... Почему бы тебе не подумать над моим предложением всерьез?

– Я бы лучше на твоём месте подумала, – улыбнулась она. – А вдруг чуть позже ты на самом деле захочешь жениться? Ну встретишь кого-то, полюбишь. Или вдруг я кого-то встречу? Как тогда быть? Нет, Ген, не надо меня жалеть до такой степени. Фиктивные браки не для меня.

– А если это будет не фиктивный брак? – опустив глаза, негромко произнес он. – А если все будет по-настоящему?

– То есть, как по-настоящему? – захлопала ресницами Катя. – То есть...

Растерявшись, она замолчала.

– То есть, именно то, о чем ты сейчас подумала, – подтвердил Генрих. – Все по-настоящему.

– Ген, ты шутишь? – растерянно заглянула ему в глаза Катя. – Ведь мы просто друзья. Хорошие, добрые друзья. А семья – это прежде всего любовь. Ушла любовь – семья теряет смысл, сам недавно убеждал. Как же ее начинать без любви? Нет, Генка, – покачала она головой. – Спасибо, конечно, но на такую авантюру я не пойду.

– А я не буду тебя торопить, – спокойноотреагировал он. – Тем более, что в первых числах января мы с Жастином отправляемся на три недели в Новую Зеландию. Минимум месяц на раздумья у тебя есть.

Катя не заметила, как допила вино, молча поставила пустой бокал на стол и задумалась. И если в душе еще была легкая растерянность от неожиданного предложения Генриха, в уме тут же созрел четкий ответ: нет, она больше не желает выходить замуж. А уж тем более за друга Генку, которого, увы, категорически отказывается принимать в любом другом статусе. Вот только надо бы все это объяснить, не обидев.

Как спасение, у стола тут же возник Михаил:

– Повторить? – мигом разлив оставшееся вино, с улыбкой спросил он.

– Спасибо. Пока достаточно. И бутылку пустую пока оставьте... Знаешь, устал я по свету колесить, – так и не дождавшись от Кати ничего вразумительного в ответ, продолжил Генрих. – Хочется пожить в тишине, покое, среди природы. Я уже и домик присмотрел в одном городке, неподалеку от Гамбурга. Кое-какие сбережения у меня есть, возьму кредит в банке. И до Жастина рукой подать: пару часов по автобану – и ты во Франции. Между прочим, он из самой что ни на есть аристократической семьи! Его предки еще при Людовике четырнадцатом служили! Во время революции бежали подальше от Парижа, к границам Германии, да так и застряли. У них и замок есть, правда, они сдали его в аренду государству и там сейчас музей.

– Надо же, какой у тебя родовитый друг! – искренне подивилась Катя, радуясь тому, что сменилась тема. – А почему там сейчас музей?

– Все легко объяснимо. Деньги. Чтобы содержать такую махину, нужны немалые средства, а все свои капиталы родители Жастина вкладывают в виноградные плантации, которые заложили еще предки. Кстати, мы только что пили не просто французское вино, а вино, произведенное на недавно модернизированном винодельческом заводе семейства Кложе! Вот, смотри, это их товарный знак! – показал он на этикетку. – Вино поставлялось еще в царскую Россию. Так что мой друг, кроме всего прочего, еще и потомственный винодел!

– Надо же, никогда бы не подумала, – недоверчиво сказала Катя. – А откуда взялась страсть к путешествиям?

– Обычная история. По молодости все норовят вырваться из дома. Вот и Жастин сначала по настоянию отца поступил в технологический университет, затем бросил, перевелся на исторический в Сорбонну. И категорически отказался возвращаться домой.

– И что, так и планирует до старости быть как перекасти-поле? Ему ведь, поди, за сорок?

– Почти сорок четыре... Я не так давно заметил в нем перемены: как-то уж слишком настойчиво он стал предлагать посетить те или иные винодельческие дома. Расспрашивал подробно о производственных циклах, интересовался всякими мелочами, много фотографировал. Ну, а когда я посмеялся, что все это напоминает промышленный шпионаж, признался: отчасти так оно и есть, и он всерьез подумывает о продолжении династии. Родителям

за семьдесят, сестра с мужем выбрали дипломатическую карьеру, так что кому, как не ему, продолжить дело предков. Вот приедешь, обязательно свожу тебя в гости.

– Ну что? Будем выдвигаться? – взглянула на часы Катя, опасаясь, как бы разговор снова не вернулся к теме замужества. – Пока съездим в Марьино, пока доберемся до вокзала... Да и с хозяевами надо бы попрощаться, поблагодарить, вернуть ключи.

– Да, пора, – вздохнув, согласился Генрих. – Сейчас я им позвоню. Михаил, счет, пожалуйста, – достав из портмоне кредитную карточку, попросил он официанта.

– Я подожду тебя у выхода. Надо заглянуть в одно местечко, – вполне доходчиво намекнула она.

«Снег пошел. И ветер усилился, – в ожидании Вессенберга Катя стояла возле дверей и отстраненно наблюдала за разгулявшейся за стеклом непогодой. – Вот так и в моей жизни: пусть нежарко было, зато солнечно. А теперь ни солнца, ни тепла. Сплошная зима... Да еще с аномалиями: Генка то ли шутя, то ли серьезно предложение сделал, Вадима с дамой встретила. Красивая, ухоженная... Видно, не зря он постоянно в Москву мотается, не только по делам... Вертит вами жизнь, госпожа Проскурина, – горько усмехнулась она. – Знать бы, за какие грехи...»

Несмотря на усилившийся снегопад, провожать на вокзал Катю и Генриха отправилась довольно большая компания: хозяева квартиры, друзья и малознакомые приятели, которыми, судя по всему, гиперкоммуникабельный Генка обзаводился каждый день. Выпив немного на прощание, гурьбой отправились до ближайшей станции метро, дружно ввалились в одну электричку, пересели в другую, толпой пересекли здание Белорусского вокзала, где к ним, к неудовольствию милиции, присоединилось еще несколько человек.

По сути, придраться стражам порядка было не к чему: вполне интеллигентного вида компания, веселая, но не буйная. И все же после того, как провожающие устроили на перроне небольшой импровизированный концерт с песнями под гитару, у них решили проверить документы.

Дав знать, что разберутся сами, ребята подтолкнули гостей к купейному вагону, помахали им руками и все с теми же песнями под гитару направились в сторону метро.

– Хорошие у тебя друзья, жалко расставаться, – посмотрев им вслед, загрустила Катя.

Едва поезд отошел от перрона, Катя предоставила своему спутнику возможность переодеться, вышла в коридор и нос к носу столкнулась... с вышедшим из соседнего купе Ладышевым. Удивленно застыв на несколько секунд, они машинально кивнули друг другу и повернулись каждый к своему окну.

Сфокусироваться на проносившихся мимо пейзажах не получалось. Во-первых, из-за скорости, во-вторых, из-за темноты, в-третьих, из-за обуревавших каждого весьма схожих чувств и мыслей: почему он (она) здесь, что он (она) делал (а) в Москве, заговорить или не стоит? И самый главный вопрос: с кем?

Минут через пять все прояснилось: из купе Ладышева вышла пожилая пара.

– Заходите, молодой человек, – вежливо предложили они.

За спиной Проскуриной в это же время появился Генрих.

– Катюнь, заходи, переодевайся, – заботливо произнес он.

Бросив на него оценивающий взгляд, Вадим молча вошел в свое купе и задвинул дверь.

Уснуть в ту ночь у Кати долго не получалось. На верхней полке давно посапывал Генка, а она все крутилась, крутилась. Уснешь тут! Тонкая перегородка может визуально скрыть людей друг от друга, но что делать с угнетающим, почти осязаемым присутствием рядом Вадима?

И надо же такому случиться, чтобы они встретились в многомиллионном городе! Да еще дважды за день! И что за дама сердца осталась у него в Москве? Хотя какое ей дело, с кем он там встречается...

Измученная мыслями, к утру Катя все же забылась коротким тревожным сном, и вдруг кто-то коснулся ее плеча. Гена. Пора вставать, через полчаса поезд прибывает в Минск. Дальше – как в тумане: гудящая голова, суета, звук отодвигаемой двери, тамбур, в котором мелькнул затылок Ладышева. Морозное утро, кассы вокзала, Генка покупает билет до Жлобина, провожает ее до такси, беспокоится о самочувствии, поскольку у нее нездоровый вид...

Как она попала в квартиру, помнила плохо: глаза слипались на ходу, голова по-прежнему гудела. Переступив порог, она сбросила одежду, ногой задвинула в угол дорожную сумку, упала на кровать и словно нырнула в спасительную бездну...

4

Угрюмый и злой Ладышев появился в офисе около десяти утра и первым делом спросил у Зины, передала ли она Проскуриной вещи, якобы забытые в боулинге. Увы, секретарша так и не смогла с ней связаться за эти две недели. Она даже сбежала несколько раз во время обеда к ее дому, но, судя по всему, в квартире никого нет.

– Андрей Леонидович, что слышно о машине Проскуриной? – став еще более мрачным, уточнил он у Поляченко.

– Еще во вторник можно было забрать, – доложил тот. – Но я не смог найти Екатерину Александровну. Наверное, куда-то уехала.

– Уже вернулась. Скорее всего, она сейчас на Чкалова. Значит, так: возьмите у Зины ее вещи, сдайте ей с рук на руки «БМВ», и можете о ней забыть. Она у нас больше не работает.

– Понял, – кивнул Андрей Леонидович, хотя на лице мелькнуло: не понял ничегошеньки! – А как быть с доплатой за ремонт? Получилось почти на сотню больше. Вы сами просили ускорить.

– Доплатите, – потянулся к портмоне Ладышев, – и закройте вопрос.

– Екатерине Александровне назвать сумму ремонта? – на всякий случай уточнил Поляченко.

– Как сочтете нужным. Это – оплата ее услуг нашей компании. Так что тема закрыта. Пока все.

Проводив взглядом начальника отдела безопасности, Вадим откинулся к спинке кресла и, заложив руки за голову, закрыл глаза. Работать, как и думать о чем-то важном, не получалось. Сил не было. Ночью глаз не сомкнул по нескольким причинам. Во-первых, в силу обстоятельств пришлось возвращаться в Минск не самолетом, как обычно, а поездом, да еще в купейном вагоне, так как билетов в СВ не было. Во-вторых, всю ночь промучился вопросами: что Проскурина делала в Москве и кто ее спутник? Судя по обращению «Катюня», их связывают теплые отношения.

Он даже выходил несколько раз в тамбур, курил, чего никогда не делал по ночам. И ради чего? В тайной надежде, что откроется дверь соседнего купе и появится она? Глупо. Ведь решил окончательно, приказал себе, что с этим знакомством пора завязывать, и до вчерашнего дня все получалось: почти не вспоминал, будто ничего и не было. Тому и обстоятельства способствовали: к концу года дел навалилось невпроворот, тендеры, даже на охоту не получалось выбраться. И пусть в памяти периодически всплывала ветка сакуры, женщина напротив, близость, пронзившая острым сладострастием, усталость легко справлялась с коварным подсознанием.

И вот стоило ему ее увидеть, да не одну, а в компании с мужчиной, как все нахлынуло с новой силой. Он снова никак не мог отрешиться от мыслей о Кате. Почему именно она? Почему он хочет видеть, слышать, ощущать рядом ее присутствие? Почему не может победить себя, свои желания?

Издав недовольный рычащий звук, Вадим с силой стукнул кулаком по столу. Спустя пару секунд в дверях показалась встревоженная Зиночка. Сделав ей знак, что все в порядке, он схватил со стола вовремя зазвонивший мобильник и зло выдохнул:

– Ладышев! Слушаю!

– Привет, милый! Что за тон? Кто нас обидел? – томно поинтересовалась Кира. – Что-то случилось?

– Привет! Ничего не случилось. Утром из Москвы вернулся. Плохо спал в поезде.

– Сочувствую... А ведь мы так давно не виделись, больше месяца! Даже с днем рождения тебя не поздравила... Неужели ты решил меня забыть? – с плохо скрываемой обидой спросила она. – Как насчет сегодняшнего вечера? Я так соскучилась!

– Нет, не получится. Много работы, – буркнул Вадим первое, что пришло в голову.

Вот уж чего ему точно не хотелось, так это встречаться с Кирой. К счастью, хоть в этом давно определился.

– Ты не рад моему звонку? – теперь уже по-настоящему обиделась Кира.

– Ну почему? Рад, что не забываешь. Но действительно много дел... Я перезвоню, хорошо? Как только освобожусь.

– Хорошо. Поняла. Жду звонка! Целую... – томно вздохнула трубка, послышался характерный чмок.

«Да пошла ты! – Вадим швырнул телефон на стол и принялся растирать ушибленную руку. – Давно не виделись... Значит, не хотелось!.. А ведь раньше сама никогда не звонила. Испугалась, что замену нашел? Оно и верно, не встречались, считай, с той самой охоты, – прикинул он, взглянув на настенный календарь. – Знала бы, что хотел расстаться еще пару недель назад, – хмыкнул он. – То-то расстроится, когда поймет, что охота не удалась. А ведь далеко пойдет девочка, все для этого есть – и красота, и эрудиция. И цели выбирать умеет. Вот только огня в душе нет. С ней, конечно, было очень удобно: звонок – и безотказный приезд в квартиру на Коммунистической. Но время Кире вышло... Сплошные расставания какие-то».

Накануне Ладышеву пришлось распрощаться и с красивой иллюзией – центром японской медицины. С хозяйкой подобного бизнеса в Москве он познакомился в сентябре в самолете, когда возвращался из Токио. Она сидела в соседнем кресле салона бизнес-класса и листала красочные буклеты. Он попросил посмотреть. Слово за слово – разговорились, в том числе о целях визита в Японию. Он прилетал по приглашению головного офиса корпорации, она привозила на очередную обязательную стажировку медперсонал своей клиники, представлявшей в России передовые разработки японской медицины.

Вадима это заинтересовало. После того как тяжело заболел Флемакс, он постоянно думал о будущем своего бизнеса. Такой поддержки, как прежде, ему не видать, непонятно, что теперь будет с компанией, которую создавали вместе с Мартином. А ведь через нее проходили все финансы. Следовало найти нечто иное, перспективное, желательно завязанное на медицинской тематике.

И вдруг совершенно неожиданно новая знакомая прямо в самолете предложила ему открыть один из филиалов ее клиники в Минске. Мол, у нее уже есть клиентки из Беларуси, так что при хорошей раскрутке, она уверена, дело пойдет. Вадим поблагодарил за столь лестное предложение сотрудничества и пообещал подумать. Даже специально прилетел через неделю в Москву.

Дело показалось необычайно заманчивым и привлекательным. Он давно подумывал о собственном медицинском центре, а здесь новейшие технологии, передовые разработки! Он так загорелся этой идеей, что даже не спал несколько ночей! Но, как учил отец, серьезные решения должны приниматься на ясную голову.

Попросив время на обдумывание, для начала он решил максимально изучить существующий рынок медицинских услуг. Рисковать своим, а уж тем более чужим капиталом ему не хотелось. Он давно усвоил истину: в долг берешь чужие деньги и ненадолго, а отдаешь свои и навсегда. Вот только с чего начать? И времени нет, да и правды никто не скажет. Вот тогда ему и пришла идея нанять человека, который помог бы собрать информацию. Кривая поисков неожиданно вывела на Катю. И она более чем справилась.

Максимально абстрагировавшись, неделю Ладышев размышлял, прикидывал, пока не пришел к окончательному выводу: нет, еще не время открывать в Минске подобную клинику. Кому позволят финансы, те и в Москву слетают. Но в общей массе они, увы, погоды не сделают. Так что на встречу с потенциальным деловым партнером он ехал, определившись: предложение лестно и заманчиво, но он от него отказывается.

Красивая и обаятельная бизнес-вумен, по странному совпадению также Екатерина Александровна, нисколько не удивилась и не огорчилась. Скорее, наоборот, облегченно вздохнула. В последнее время она внимательно следила за экономической ситуацией в соседней стране и также пришла к выводу: не время. Но если оно наступит, она будет рада снова встретиться с господином Ладышевым. И предложила обсудить это за обедом.

Собственно, из-за затянувшегося разговора Вадим и не вылетел из Москвы самолетом. Попрощавшись с несостоявшимся партнером, он посмотрел на часы и понял: центр города, час пик, до Шереметьево быстро добраться не получится, так что придется возвращаться поездом.

«Кто же вместе с ней был? – Ладышев снова попытался напрячь память. – Голос вроде знакомый, где-то я его уже слышал... Ну, конечно! Конечно же, это ее друг-немец! – осенило его. – Значит, она ездила в Москву к своему Генриху! – тут же выстроил он логическую цепочку. – А не зря Проскурин его недолюбливал!»

Вот она, истина: он снова влип. Проскурина оказалась ничем не лучше Гаркалиной и прочих дамочек, имеющих на всякий пожарный запасной аэродром.

Настроение сразу опустилось ниже всяких пограничных отметок, хотя и до этого было не на высоте. Закрыв глаза, Вадим несколько раз глубоко вдохнул, выдохнул, затем резко придвинулся к столу и нажал кнопку громкой связи:

– Зина, для начала кофе, и покрепче. В одиннадцать совещание: собери начальников отделов, главного инженера, главного бухгалтера. Короче, как обычно. Дальше... Что у нас с новогодним вечером?

– Все оплачено. Как и договаривались. Двадцать девятого числа. Список приглашенных – как мы с вами и обсуждали. Почти всех обзвонила, все будут... Вы хотите кого-то добавить? – спохватилась бойкая секретарша.

– Наоборот. Вычеркни из списка Проскурину.

– То есть как? Как вычеркни? – растерялась секретарша.

– Очень просто. Екатерина Александровна у нас больше не работает.

– То есть... как не работает? – убитым голосом решила уточнить Зина.

– Потому что мы в ее услугах больше не нуждаемся.

– А как же договор?

– В договоре есть пункт, где черным по белому написано, что по обоюдному согласию сторон всякое сотрудничество прекращается. И вообще, Зина, что-то много вопросов ты задаешь, – опередил он ее следующее «то есть».

– Хорошо, вычеркну... Вадим Сергеевич. А Екатерина Александровна знает, что у нас уже не работает? Она согласна? – никак не могла смириться секретарша.

– Думаю, догадывается.

«А ведь она права, – подумал он. – На всякий случай надо, чтобы Поляченко взял с нее расписку».

– Зина, подготовь для Проскуриной что-то вроде акта выполненных работ, но без всяких сумм. И соглашение о расторжении договора. Принесешь мне, я подпишу, затем передашь Андрею Леонидовичу. Он как раз к ней собирается. Попроси задержаться, подождать. Еще вопросы есть?

– Есть... Теперь у нас лишний заказ на одну персону, – расстроено пролепетала Зина. – А ведь я обещала Екатерине Александровне, что мы ее пригласим...

– Ну, это уже чересчур! Ты мне предлагаешь решить проблему с лишним местом? Чтобы я больше ничего не слышал о Проскуриной! – разозлился Ладышев и шлепнул ладонью по кнопке громкой связи.

Телефонный аппарат скользнул по столу, толкнул лежавшую на краю пухлую папку «На подпись», из которой выпали документы и веером рассыпались по ковровому покрытию. Пытаясь призвать на помощь секретаршу, Вадим снова потянулся к кнопке громкой связи, но, чертыхнувшись, передумал.

«Без новых вопросов не обойтись, еще и Зину уволить придется. Это же надо, даже ей Катя пришлась по душе! – мелькнула неожиданно болезненная мысль. – Как мне все надоели со своими советами!!!» – еще пуще разозлился он и принялся собирать с пола разбросанные бумаги.

Катю разбудил надсадный звук, очень напоминавший дверной звонок. Спросонья она повернулась на другой бок, прикрыла ухо подушкой, но звук не умолк. Пришлось вставать. Заглянув в глазок, она с немалым удивлением идентифицировала на лестничной площадке Андрея Леонидовича, набросила халат и впустила нежданного гостя. Новость, которую он принес, заставила окончательно проснуться и подпрыгнуть чуть не до потолка: прямо сейчас можно забирать ее «ласточку» из ремонта! Ну наконец-то!

Быстро собравшись, она сбежала по лестнице, открыла дверцу машины Поляченко и тут же обнаружила на сиденье свой телефон и перчатки. Только села – Андрей Леонидович молча протянул ей папку. Пробежав глазами находящиеся в ней документы, Катя так же молча их подписала. Ненадолго задумавшись (по-видимому решая, стоит это делать или нет), все-таки протянул ей файл со скрепленными бумагами: счет на ремонт автомобиля. Глянув на итоговую цифру, Катя едва не ахнула: ничего себе! Где же ей взять такие деньги? Раньше середины января страховая компания даже не планировала выплату возмещения!

– Не волнуйтесь, – оценив ее реакцию, успокоил Поляченко, – все уже оплачено. Вадим Сергеевич пояснил: это плата за услуги, которые вы оказали нашей компании. Но, вы же понимаете, сумма эта нигде не фигурирует и, кроме вас, меня и шефа, о ней никто не знает.

– В таком случае передайте своему шефу, что я верну ему деньги, потраченные на ремонт, – спустя некоторое время заявила Катя.

– Вам виднее, – глубокомысленно и немногословно отреагировал Андрей Леонидович и до самой мастерской больше не произнес ни слова.

Осмотрев машину, Катя села за руль, подзабытым движением сдвинула рычаг коробки передач и тронулась с места. Поначалу было нервозно: тряслись руки, ноги, потела спина. Однако стоило выехать на кольцевую – и стало спокойнее: включилась механическая память, зимняя резина, которую милостиво привез отцу Виталик, хорошо держала дорогу. А навыки езды никуда не исчезают, требуется лишь некоторое время на их восстановление.

Первым делом Катя решила заехать в страховую компанию – увы, ничего радостного. Выплату ускорить не получится, только после новогодних праздников. Как же быть? Ведь она твердо решила вернуть долг Ладышеву! И чем быстрее, тем лучше. Принципиально. Спасибо, конечно, за помощь, но ей не нужны его подачки. Тем более, что поиск ответов на его непростые вопросы оказался более чем полезен: отвлеклась от личных переживаний и нашла для себя новую тему, которая в дальнейшем могла принести то вознаграждение,

которое ей причиталось. Если же он считает, что таким образом заплатил ей за проведенную с ним ночь, то она не даст ему такого шанса.

Занятая мыслями, Катя не заметила, как наступили ранние зимние сумерки. А ведь хорошо было бы сделать еще одно важное дело – заглянуть на прием к Ольге, которая за годы борьбы с бесплодием стала для нее подругой. Работала она в гинекологическом отделении одной из больниц, а по вечерам – в платном медицинском центре. Посетить гинеколога Проскуриной следовало больше месяца назад, но... В очередной попытке ЭКО нужды нет и не будет. Не от кого ей теперь беременеть, а вот нормализовать гормональный фон не мешало бы. Уж очень тяжело худеется.

У Ольги как раз оказалась «форточка» в записи. Подруга пребывала в прекрасном настроении и выглядела чудесно, словно и не отпахала до этого день в отделении. Объяснялось все просто: после случившегося три года назад развода ее личная жизнь наконец-то стала налаживаться. Во всяком случае, Проскурина знала, что Оля влюблена и уже год живет гражданским браком с мужчиной. Тоже доктором.

Обрадовавшись Кате, Оля первым делом ее пожурила, что не появилась раньше, и деликатно спросила: что с ЭКО? Узнав, что никакого ЭКО не было, тут же предложила пройти в кресло, от чего Катя попыталась отказаться: ни к чему это теперь – семейная жизнь дала трещину, и мужчины у нее нет. И захала она поболтать да посоветоваться, как быстрее избавиться от последствий гормонотерапии. Ошеломленная такой новостью, Ольга, тем не менее, убедила Катю сначала пройти осмотр, а уж потом поговорить.

Выслушав краткий рассказ Проскуриной о последних месяцах жизни, подруга почувствовала, а затем неожиданно приободрила: может, оно и к лучшему, так как похоже, что у Кати с Виталиком была несовместимость. Теперь найдет она себе нового мужа, забеременеет без всяких чудо-средств и родит здорового ребенка. Подобных случаев в ее практике хватает.

У самой же Ольги наметились серьезные перемены: Саша, ее любимый мужчина, наконец-то решился сделать предложение. Кроме того, пожелал официально удочерить Ксению, семилетнюю дочь Ольги от первого брака, в которой души не чаял. Заявление в ЗАГС уже подали, в феврале свадьба – скромная, придут только близкие друзья и родственники. Но Катю она заранее приглашает, потому что у будущего супруга очередь из неженатых друзей!

На этом короткая встреча подруг, к сожалению, закончилась: под дверью кабинета гинеколога уже нервничала пациентка. Радуюсь за Ольгу, Катя вышла из медицинского центра в приподнятом настроении и задумалась: куда ехать? В квартиру на Чкалова возвращаться не хотелось, ее там никто не ждет. Никаких срочных дел тоже нет. Она вспомнила Ладышева с его актом выполненных работ и снова загрузила.

Надо перевести в доллары не только отпускные, но и все, что скопилось на карточке, и как можно скорее вернуть ему деньги за ремонт. Эх, жаль, что праздники впереди, банки закрыты, большинство обменников тоже... Вот только не хватит ей этих денег... Что же делать? И тут ее осенило: а что, если перехватить у отца? И как она сразу не додумалась? В Ждановичи!

Александр Ильич с супругой неожиданному приезду Кати обрадовались, осмотрели в свете фонарей отремонтированную машину, накормили ужином, после чего уселись за круглый стол чаевничать, а заодно и побеседовать. Тем для разговоров хватало: каковы дальнейшие планы, здоровье, как провела время в Москве?

Вдоволь наговорившись, глава семейства категорически отказался отпускать дочь в город. Да ей, честно говоря, и не хотелось уезжать. Соскучилась по отцу.

– Завтра утречком вместе на рынок поедем: сначала за продуктами, а затем на вещевой, – оставшись наедине с дочерью, сообщил он тоном, не допускающим возражений.

Арина Ивановна в это время разбирала постели. – Обновки себе купишь. И не сопротивляйся. Ты у меня одна, и тебе сейчас непросто.

– В таком случае... Пап, у меня к тебе просьба: лучше одолжи денег. До Нового года я хочу рассчитаться с одним человеком за ремонт машины, а страховку выплатят только в январе.

– Его фамилия, часом, не Ладышев? – неожиданно нахмурился отец.

– Ладышев... А ты его откуда знаешь? – удивилась Катя.

– Неважно... И кто такой?

– Я делала для него кое-какие... рекламные материалы, вот он и предложил, не дожидаясь денег по страховке, ускорить ремонт. Мне бы очень хотелось вернуть эту сумму побыстрее.

– Ну что ж, – вздохнул Александр Ильич. – Долги и впрямь надо до Нового года отдать. А уж тем более Ладышеву, – задумчиво добавил он. – Калькуляция есть?

Заглянув в сумку, Катя достала файл с цифрами. Нацепив очки, Александр Ильич какое-то время изучал стоимость работ, запчастей, сверял суммы.

– Все по-честному, – наконец вынес он вердикт. – Конечно, можно было и подешевле отремонтировать, но раз страховая оплатит – тогда нормально. Ладно, завтра после рынка мы об этом еще поговорим. А сейчас пошли спать.

«Выглядит усталым, надо ему сказать, чтобы поберег себя... Милый, милый мой папочка», – коснувшись головой подушки, подумала она с нежностью и тут же заснула спокойным крепким сном.

Наутро вместе с отцом Катя отправилась на рынок за продуктами, а после обеда он протянул пухлый конверт.

– Вот... То, что просила. Из дела взял, так что как только страховку выплатят – придется их вернуть, ты уж извини. И еще одно условие: чтобы больше я ничего не слышал о Ладышеве.

– Спасибо, папа. Вот только... Почему ты так категорично против него настроен? – пряча конверт в сумку, озадачилась дочь.

– Есть причины. Там даже чуть больше, чем ты просила, – кивнул он на сумочку. – Но это тебе в подарок к Новому году. Считай, что моя компенсация.

– За что?

– За то, что не вникал в твою семейную жизнь. Глаза закрывал на многие вещи.

– Выходит, ты тоже знал? – пристально посмотрела на него Катя. – Или подозревал, что у Виталика есть другая женщина?

– Знал не знал, подозревал не подозревал – какая теперь разница? Все образуется.

– Что образуется?

– Помириться. Лучше прежнего заживете, уж поверь мне!

– Папа, я к нему не вернусь, неужели ты не понял?! – недоуменно уставилась она на отца.

– Простишь, никуда не денешься. Оно, конечно, правильно: пусть попереживает, понервничает. Только меру знай, со всякими там Ладышевыми не заигрывайся. Да, забыл спросить: это правда, что ты решила уйти из газеты?

– А кто тебе сказал?

– Виталик тут по делам заезжал на прошлой неделе, от него и узнал. Ты бы ключи и шубу забрала. Все бегаешь в курточке.

– Ключи возьму – придется еще раз заехать на Гвардейскую за архивом... – согласилась Катя и задумалась. – Теперь понятно, почему тебе так не мил Ладышев... Не волнуйся, из газеты я не уйду. Но и к Виталику не вернусь, не надейся. И шуба его мне не нужна. Подарки дарят раз и навсегда, а не так, что сегодня это твое, а перестанешь меня слу-

шаться – отберу. Как-нибудь обойдусь. И вообще, семья у нас давно кончилась. Просто жили под одной крышей два человека, создавали иллюзию счастья. А в том, что наскучили друг другу и стали чужими, боялись признаться даже себе. Если бы это было не так, не появилась бы у Виталика другая женщина.

– Не суди так строго, дочка, – не согласился отец. – Ну ошибся. С кем не бывает?

– А с тобой было? Вот признайся честно, ты изменял маме?

– Ну... – растерялся отец.

– Понятно, – грустно усмехнулась Катя. – Теперь понятно, почему ты его защищаешь.

– Да не защищаю я никого! – опустил взгляд Александр Ильич. – Беда, конечно, что сама все узнала и увидела, здесь уж Виталику не отвертеться. Только и ты признай: не знала бы ничего – жила бы и дальше как у Христа за пазухой. Это я к тому, что горячишься ты, все до правды хочешь докопаться. Только какая она, правда? У каждого своя. И еще неизвестно, чья правдивее.

– На сегодняшний день для меня бесспорно одно: я его не люблю. И он меня не любит, просто признать не хочет: крах семейной жизни никак не вписывается в образ мужчины-победителя. Пожалуйста, пообещай, что впредь не будешь заводить подобных разговоров и не станешь вмешиваться в мою личную жизнь, – пристально посмотрела на него Катя. – Иначе мы серьезно поссоримся, а это будет больно и несправедливо, так как ближе и роднее у меня никого нет.

– А я и не вмешиваюсь, – поняв, что увещевать дочь бесполезно, отступил отец. – Добра желаю.

– Спасибо.

– Ты бы осталась у нас еще на денек, – пытаюсь сгладить ситуацию, предложил Александр Ильич.

– Не могу, папа. Дела у меня завтра, правда, – как можно мягче отказалась Катя, умолчав, что обещала Генке встретить его с поезда и отвезти в аэропорт. – Ты себя побереги, выглядишь неважно.

– Все нормально, – не вдаваясь в подробности, успокоил отец.

– Значит, встретимся на Новый год, как договорились, – улыбнулась дочь. – Еще раз спасибо. Поехала я, – и чмокнула его в щеку.

Добравшись до квартиры, Катя пересчитала сумму, спрятала деньги в укромное местечко и посмотрела на часы. Шесть вечера. Чем бы заняться?

«Может, позвонить Ладышеву? – подумала она. – И что я ему скажу? Что хочу вернуть деньги? Суббота, вечер... Подумает, навязываюсь... Ладно, подождем с этим пару дней, – приняла она решение и потянулась к пульту. – Посмотрим, что творится в мире. Надо же, целую вечность телевизор не включала!..»

...Ладышев лежал на диване в гостиной и тоже щелкал пультом телевизора: западный мир готовился встречать католическое Рождество. На душе у Вадима было совсем не празднично. Ночью у впавшего в кому Мартина неожиданно остановилось сердце. Вовремя заметили, удалось быстро запустить. Час назад он перезвонил Хильде: никаких изменений к лучшему нет и, по-видимому, уже не будет. Вместе с тем никто не знал, сколько еще выдержит подключенный к аппаратам организм.

И хотя Хильда просила Вадима не нарушать свои планы и ничего не предпринимать, Вадим сразу же решил лететь во Франкфурт. С большим трудом, но все же достал билет на завтра. Он должен, он обязан в такое тяжелое время быть рядом с теми, кто сделал для него столько, сколько другие не делают для родных детей за всю жизнь...

...Катя встретила Генриха на железнодорожном вокзале и привезла в аэропорт минут за десять до начала регистрации. Времени для обеда в местном ресторане было маловато, так что пришлось довольствоваться кофе и бутербродами в баре.

Купив по пути к терминалу кое-какие сувениры, Гена остановился у стойки с прессой и набрал увесистую кипу журналов и газет. Объяснил, что хотел бы просмотреть на досуге, понять, насколько далеко шагнула местная периодика и полиграфия.

– Зря стараешься, почти все, что ты купил, российское, – после того, как они пристроились в хвост очереди на регистрацию, насмешливо отреагировала Катя.

– Неважно. Я ведь и московские газеты только в интернете читаю. А чтобы сделать правильные выводы, их надо еще и в руках подержать, понюхать. Хотя кому я это объясняю?.. Ну что? Пора прощаться, – спрятав прессу в чемодан, распахнул он объятия.

– Когда теперь увидимся? – прижавшись к его груди, спросила Катя, но тут же отстранилась и шутливо потребовала: – Обещай, что будешь чаще писать!

– Обещаю, что буду высылать тебе целые репортажи и фотоотчеты Жастина. Он классный фотокор, лучший из тех, кого знаю!

– Ничего против твоего Жастина не имею: веселый, дружелюбный француз. Только все равно как профессионалу ему далеко до нашего Потюни! – провокационно заявила она. – Венечка и здесь таких пейзажей умудряется нащелкать, что мы не устаем восторгаться! Жаль, вам снова не удалось познакомиться... Ему бы как-то пробыть, персональную выставку, к примеру, организовать, – задумалась она. – Ладно, тебе пора.

– До встречи, Катюнь. Ты себе не представляешь, как я счастлив, что у меня есть ты и что нам вместе удалось провести столько времени...

– И мне так тепло, так спокойно и надежно, что у меня есть такой друг, как ты, – перебив, поделилась Катя.

– Я еще не все сказал... – Генрих постарался поймать ее взгляд. – Я хочу напомнить тебе о...

– Не надо. Гена. Мы же договорились, пожалуйста, – умоляюще замотала головой Катя. – Дай мне время во всем разобраться, пережить, успокоиться.

– ...Хорошо, – после паузы обреченно склонил голову Генрих. – Хорошо, я понимаю, что тебе нужно время... Тогда иди к машине, очередь подходит. Не люблю долгих проводов. В накопителе еще не меньше часа просидим, – взглянул он на часы. – Так что доедешь домой – сразу меня набери. Лететь спокойнее, когда знаешь, что с тобой все в порядке.

– Обязательно позвоню. Ты не обиделся? – теперь уже Катя попыталась заглянуть ему в глаза.

– На тебя? Что ты!

Нежно, едва касаясь Катиного лица, он провел по нему ладонью, зажал руку в кулак, будто пытаясь сохранить самое для него дорогое, и сунул ее за пазуху, ближе к сердцу.

– Я могу обижаться лишь на себя. Ну, да чего уж теперь, – забросил он за плечо дорожную сумку, махнул на прощание рукой и, не оглядываясь, шагнул в дверь терминала.

Вздыхнув, Катя понуро побрела к выходу. С отлетом Вессенберга кратковременный праздник души закончился.

В это время одиноко стоявший в неосвещенном углу вестибюля мужчина приблизился к панорамному окну, проследил, как женщина в отороченной мехом бордовой курточке открыла дверцу автомобиля, завела двигатель, отъехала от бордюра и покатила вниз по эстакаде.

Подхватив походный чемодан, он тут же проследовал к очереди в терминал.

– Простите, нельзя ли меня посадить рядом со знакомым? Он уже зарегистрировался на рейс. Генрих... Запомнил фамилию, – мило улыбнулся Ладышев сидевшей за стойкой девушке.

– С господином Вессенбергом? – заглянув в монитор, уточнила очаровательная блондинка.

– Да-да, конечно, с господином Вессенбергом.

– Сейчас посмотрим, попробую вам помочь... Вам повезло, у господина Вессенберга место 15а. Ваше – 15б, – наконец протянула ему посадочный талон девушка. – Счастливого полета!

– Огромное вам спасибо! – от души поблагодарил Вадим.

«Посмотрим, что за фрукт», – скептически хмыкнул он, направляясь к паспортному контролю.

5

На аудиенцию к Ладышеву Катя собиралась основательно. Выглядеть нужно было на все сто, чтобы у него и мысли не возникло, будто она переживает. С вечера подобрала подобающий такому случаю комплект одежды: черные брюки, голубая водолазка под цвет глаз, черный пиджак. Все отутюжила, почистила. Обувь тоже выбрала соответствующую: черные кожаные полуботинки на довольно высоком каблуке. Просто, строго, но стильно. Вот только сумочка подкачала: как Катя ни изошрялась, та не желала выглядеть поновее. Ручки обтрепанные, заломы... Ничего не оставалось, как прямо с утра отправиться в магазин за новой. Но перед этим надо было попасть на маникюр. Хорошо хоть корни волос еще не успели отрасти, а так бы пришлось и к парикмахеру записаться.

А еще следовало купить красивый подарочный конверт. То-то удивится Вадим Сергеевич, когда откроет, – а внутри не сувенирчик, не надушенный девичий носовой платочек, а еще один скромный конвертик, в котором деньги. Вот так-то, господин Ладышев: не нужны мне подачки с вашего барского стола! Уж что-что, а цену себе мы знаем! Главное – человеческое достоинство!

Что, собственно, и собиралась продемонстрировать Катя.

Поначалу все складывалось удачно: утреннее время у маникюрши оказалось незанятым. Заколов волосы и добавив строгости выражению лица, Катя покрутилась перед зеркалом, потянулась за любимой утепленной курточкой и тут же расстроилась: не подходит... Ни по цвету, ни по фасону никак не вписывается в задуманный образ.

«А вот шубка была бы очень кстати... Черная норочка – в самый раз... – впервые пожалела она об отвергнутом подарке Виталика. – Заскочить к отцу? Надеть разочек и вернуть? Нет, никакого «разочка»! Сама себе потом не прощу! Лучше... выскочу из машины без куртки. Припаркуюсь поближе, туда – и сразу обратно, не замерзну! Оно даже к лучшему: засиживаться я не собираюсь, снимать верхнюю одежду не с руки, а так – сразу товар лицом! Вот она, я: красивая, гордая, независимая! Полюбуйтесь, покусайте локти и – счастливо оставаться!»

Представив эту греющую самолюбие сценку, она улыбнулась отражению, застегнула куртку и покинула квартиру.

Увы, дальше все пошло не по плану. За сумочкой по совету маникюрши (повелась на то, что там дешевле) она поехала в ЦУМ. Надеялась, что еще и время сэкономит. Однако вышло с точностью до наоборот.

Сначала долго не могла припарковаться, затем так же долго и нерешительно перебирала сумки: то фасон не тот, то цена зашкаливает. Еле выбрала! А ведь еще конверт купить! Когда же, наконец, вышла из магазина, то обнаружила, что машина заблокирована с двух сторон. Сама виновата, растяпа: оставила ее перед воротами, на которых висел знак «Остановка запрещена». Не думала, что застрянет в ЦУМе надолго. Вот ей и отомстили: в открытых воротах, нервно сигналив, стояла машина, позади – еще одна. Водителя в ней не было.

Пока его искали, пока выслушивала упреки, оправдывалась, прошло еще с полчаса. Затем застряла в пробке на проспекте Независимости: то ли кортеж со слугами народа пропускали, то ли какая другая беда впереди приключилась. Не выдержав, она повторила маневр других нетерпеливых водителей: развернулась через двойную сплошную и поехала на Воронянского в обход, что, впрочем, оказалось ненамного быстрее: в районе Червенского рынка снова уткнулась в пробку.

В итоге вместо двенадцати, как планировала, к офису Ладышева Проскурина подъехала без четверти два. И снова пришлось искать место для парковки. Когда, запыхавшись, она наконец попала в помещение «Интермедсервис» и «Моденмедикал», в обычно людном коридоре было непривычно пусто. Даже охранника не наблюдалось.

– Зиновья, добрый день! – влетела она в приемную. – А где все?

– На совещании... – застигнутая с лейкой в руках, недоуменно заморгала та. – Я как раз цветы поливала, когда ты позвонила. Смотрю в монитор и глазам не верю: ты – не ты? Добрый день!

– Жаль, – расстроилась Катя. – Как ты думаешь, совещание надолго?

– Не знаю. Как получится. Но, поскольку шеф в командировке, думаю, что недолго. А ты к нам каким ветром?

– Как шеф в командировке? – совсем расстроилась гостья и присела на стул. – Вообще-то я к нему...

– Так он неожиданно улетел. Даже для меня. Еще в пятницу никуда не собирался. А вы договаривались о встрече? Ой, я, наверное, забыла тебе позвонить и отменить... – отставила лейку огорченная секретарша. – Сейчас, секундочку, посмотрю в записях... – засуетилась она и принялась перелистывать блокнот на столе.

– Нет, мы не договаривались, – успокоила Катя. – Я мимо проезжала, решила заглянуть на минутку. Хотела передать кое-что Вадиму Сергеевичу, заодно и с наступающим праздником поздравить. Как же теперь быть? – задумалась она.

– Ой, как жалко! Ты сегодня такая красивая! Тебе так идет голубой цвет! Жаль, что шеф не увидит... А ты оставь у меня то, что хотела передать. Он завтра вернется, и я сразу отдам!

– Наверное, это выход, – вздохнув, согласилась Катя. – Зина, дай мне, пожалуйста, лист бумаги. Черкану пару слов.

– Конечно! Пиши, я не буду мешать! Я пока цветы полью и Нине Георгиевне позвоню, узнаю, как она там.

Пододвинув чистый лист бумаги и ручку, секретарша демонстративно отвернулась к окну, полила оставшиеся вазоны, спрятала в шкафчик лейку, вытерла салфеткой капли воды с подоконника.

Все это время Катя пыталась собраться с мыслями: раз уж не получилось все сказать при личной встрече, надо было как-то четко и лаконично изложить свою позицию на бумаге, а это гораздо сложнее.

– Здравствуйте, Нина Георгиевна! – покончив с хозяйственными делами, звонко поздоровалась по телефону Зиновья. – Как ваше здоровье? Как давление? Как Кельвин поживает? Может быть, нужна помощь?

Стараясь не прислушиваться и не отвлекаться, Катя набросала короткую записку, перечитала. Вроде неплохо получилось: и поблагодарила, и гордо объяснила, что не нуждается в помощи. Заодно легонько прошлась по его не лучшим человеческим качествам. Сложив лист, спрятала его в большой красочный конверт, сунула туда же конверт с деньгами, заклеила и передала Зине.

– ...Да вы что?! Я немедленно вызываю «скорую»!!! – воскликнула та, машинально взяв конверт. – И Андрею Степановичу сейчас позвоню! Вы только ложитесь в постель и не вставайте! У меня есть ключи! Я мигом!

– Что-то случилось? – насторожилась Катя.

– Нине Георгиевне плохо, давление за двести! – взволнованно пояснила секретарша, набирая новый номер. – Скорая?! Примите, пожалуйста, срочный вызов! Ладышева Нина Георгиевна, шестьдесят три года, улица Пулихова... Давление, очень высокое, она сердечница, гипертоник! Жена профессора Ладышева, он был известным хирургом. Кардиобригаду, пожалуйста, вышлите!.. Я сама дверь открою, я там буду через... – она глянула на часы, – минут десять! Хорошо... Спасибо!

Вскочив с места и на ходу набирая очередной номер, Зина ринулась к шкафу с одеждой.

– Саша, ты где? – набрасывая на плечи дубленку, уточнила она. – Мне срочно надо на Пулихова!.. Как на шиномонтаже? А скоро освободишься?.. Нет, не могу ждать. Нине Георгиевне плохо. Я лучше такси вызову.

– Я могу подвезти, – предложила Катя.

Зина посмотрела на нее вопросительно.

– Могу, я куда не тороплюсь, – подтвердила она.

– Саша, все, отбой! Меня подвезут... Да-да, прямо сейчас подвезут, не волнуйся! А ты, как только с колесом разберешься, сразу меня набери. Мало ли что!.. Хорошо!

Секретарша быстро сгребла со стола в ящик бумаги, схватила конверт, спрятала в сейф, закрыла дверцу, бросила в сумочку ключи, телефон.

– Я готова, поехали!

– А туфли? – выразительно посмотрела на ее ноги Катя.

– Ох, черт!

Вернувшись к столу, та мгновенно переобулась и, увлекая за собой Проскурину, выскочила за дверь.

К счастью, лифт ждать не пришлось: нос к носу столкнулись с выходящим из него охранником, отлучавшимся в банк на втором этаже.

– Передай Красильникову, что я помчалась к Нине Георгиевне, – на ходу бросила ему Зина.

Спустя несколько минут они уже вырулили с парковки.

– Не снимает трубку, – в который раз пытаюсь набрать номер, пожаловалась она Проскуриной.

– Кто?

– Андрей Степанович. Друг Вадима Сергеевича, он доктор. Попробую набрать другой... Тоже не снимает... Как специально! – до слез расстроилась она. – Как же так? Что же будет?

– Без паники! Все, что могла, ты уже сделала. Главное – вовремя вызвала «скорую». Успокойся и не реви! – глянув на нее, повысила голос Катя. – Будешь истерить под рукой – попадем в аварию, не успеем к приезду врачей. Так что сиди и спокойно набирай номер. Возможно, Андрей Степанович на операции, – поняла она, кому могла звонить Зина. – Освободится – увидит пропущенные звонки и перезвонит.

Катино ледяное спокойствие и уверенный тон возымели действие: вытерев слезы, Зиночка умолкла и продолжила набирать номера.

– Вот этот дом, – показала она рукой, когда они свернули на Пулихова, что, впрочем, было необязательно: Катя прекрасно помнила, где жила мама Ладышева. – Вот в ту арку, теперь направо, второй подъезд.

– А вот и «скорая», – глянула в зеркало заднего вида Катя. – Беги встречай, пока я припаркуюсь.

Зиночка выскочила из машины и призывно замахала подъехавшему с мигалками автомобилю. Спустя пару минут к ней и к докторам присоединилась Проскурина. Что-то ей подсказывало: нельзя оставлять Зину одну.

– Успокойтесь, давайте я открою, – предложил доктор, когда, путаясь в ключах, дрожащими руками та попыталась открыть квартиру. За дверью, срываясь на жалобный лай, поскуливал пес. – Закройте собаку, чтобы не мешала, – попросил он, переступив порог. – Где больная?

– Там, – не разуваясь, метнулась вперед Зиновья. – Катя, поддержи Кельвина!

С детства побаивавшаяся собак, Катя нерешительно прошла вслед за всеми, уловила момент, когда серебристый пудель, проскочив у кого-то между ног, опрометчиво приблизился, и бесстрашно подхватила его на руки. Как ни странно, пес и не думал вырываться – сразу лизнул ее в нос и затих. Лишь дрожал всем телом.

– Маленький, не бойся, – крепче прижала его Катя. Тот снова благодарно ее лизнул. – Я и сама боюсь. Пойдем с тобой в какую-нибудь комнату. А еще лучше поищем твою миску.

С собакой на руках она сняла обувь и прошла вперед, где, по ее разумению, должна была находиться кухня. Интуиция не подвела.

– Вот видишь, я оказалась права! Наша миска здесь, пустая... А где же наш корм? – аккуратно опустила она Кельвина на пол и плотно закрыла за собой дверь.

Словно поняв вопрос, пес подскочил к крайнему шкафчику, тявкнул и присел рядом.

– Говоришь, здесь? – поняла его Катя и открыла дверцу.

Так и есть: вся нижняя полка уставлена коробками сухого собачьего корма и витаминными.

– Ах ты умница! – не удержалась она от похвалы. – Какой же ты умный пес!

Кельвин снова радостно тявкнул и подскочил к миске.

«Ну, и чего же ты медлишь?» – нетерпеливо вопрошал он взглядом.

В этот момент на кухню заглянула Зина.

– Ну что там? – спросила Катя.

– Кардиограмму будут делать. Меня выпроводили из комнаты, – вздохнула она, подошла к мойке, открыла дверцу над головой, достала чистую чашку и налила себе воды из крана с фильтром. – Слава богу, успели! Нина Георгиевна вроде пока ничего, неплохо держится. И разговаривает нормально. Подождем, что доктор скажет.

– Ты не знаешь, сколько ему корма сыпать? – кивнула на пса Катя. – Мне кажется, он голодный.

– А он всегда голодный. Еще тот попрошайка! – со знанием дела усмехнулась Зина. – Немножко совсем насыпь, буквально пригоршню. Собаки ведь меры не знают. Сколько дашь, столько и умолотят.

– Надо же! У моей подруги кошка, так у той всегда корм в миске лежит. Подойдет, погрызет немножечко и отойдет.

– Так то кошка! – заметила Зина и прислушалась. – Кажется, меня зовут? Я пошла.

На сей раз ее возвращения пришлось ждать долго. Покормив Кельвина и не зная, чем еще заняться, Катя присела на табуретку. Быстро проглотив корм, пес сам предложил ей новое занятие.

«Какая же эта жизнь затейница! – подбрасывая мячик, за которым весело прыгала собака, раздумывала она. – Зашла в офис с одним делом, а вышла совсем с другим. Вот сижу в квартире его мамы и играю с собакой... Кто бы вчера сказал, не поверила бы!»

– Катя, иди сюда! – наконец позвали и ее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.